

Таня Гроттер и птица титанов

Автор:

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и птица титанов

Дмитрий Емец

Таня Гроттер #14

Когда-то давно страшная колдунья Чума-дель-Торт попыталась уничтожить малышку Таню Гроттер, но Древняя магия защитила девочку и вытеснила черную волшебницу в другой мир – зеркальное отражение нашего. Чума не погибла в нем, она смогла выжить и захватить там власть. С тех пор ее самым страстным желанием было вырваться из мира-двойника и отомстить. Все, что для этого нужно: уничтожить тонкую и очень прочную границу между реальностями. Ни одна сила, ни одно существо не способно на такое! Кроме маленькой серенькой птички – птицы титанов. Лишь для нее не существует ни времени, ни пространства, ни физических преград. Если ее убить, то Стекло Миров рухнет, и вот тогда Чума-дель-Торт всем покажет! А идеальный кандидат для задания... конечно, девушка, как две капли воды похожая на Таню Гроттер и воспитанная специально для этой миссии.

Дмитрий Емец

Таня Гроттер и птица титанов

Читатель!

Эта книга не является продолжением «Болтливого сфинкса». Ее события происходят вскоре после «Колодца Посейдона» и предшествуют «Локону Афродиты».

Дмитрий Емец

Справочник магических заклинаний

Печатается с любезного разрешения пожизненно-посмертного главы Тибидохса, лауреата премии Волшебных Подтяжек, акад. Сарданапала Черноморова

Искрис фронтис – боевая искра белого мага.

Пундус храпундус – усыпляющее заклинание. Снимается с рассветом.

Первачус барабанус – для просушки мокрой одежды.

Топтакли-лягакли – пинательное заклинание. Нельзя отменить.

Болеус обуздатус – заклинание против боли.

Паранойус крышус срывонис! Маразматут кульминационит! – малополезная комбинация духоотгоняющих заклинаний.

Полниссимо дебилиссимо! Склеротикус маразматикус! – заклинания стирания памяти.

Туманус прошмыгус – заклинание взломщика (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Дрыгус-брыгус – заклинание против простейшей нежити, Черных Штор, полтергейстов и привидений.

Караваждис феоксирис! – заклинание против Короля Привидений (один раз в год).

Грааль Гардарика – заклинание перехода из мира лопухоидов в мир магов. Действует в одной точке над островом Буяном.

Ливодис-курекус – снимает куриный сглаз.

Линузус очкустус – заклинание невидимости, слабенькое и довольно бестолковое. Не распространяется на волосы и одежду.

Зажималлус втюрис – обнимальное заклинание. Без комментариев.

Панидис паленус – не всегда же зажигать огонь с помощью спичек.

Трыгус шипелус – гасит пламя.

Хап-цап – перемещение предметов на малые и средние расстояния. Без особой необходимости не использовать. Не исключено, что перенесенный предмет окажется разбитым вдребезги.

Квасис грасис отыскатис – отыскивающее заклинание.

Голодронус голодрыгус – вызывает острое чувство голода.

Чукара курачукара – «заклинание зубрил». Полезно при подготовке уроков. На экзаменах и контрольных блокируется преподавателями (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Бантикус трибантикус – простенькое заклинание лентяев. Завязывает шнурки. Внимание! Если шнурков на обуви не окажется, будут завязаны пальцы ног!

Чистус трубачистус – еще одно заклинание лентяев. Умывание и чистка зубов. При наличии во рту жвачки возможен взрыв.

Бумазейкус выползанус – для дистанционного перемещения бумажек.

Пробкис вырубонис – «уходя, гасите свет».

Фурыллис эббус труфус бонирайис аппедицитус болотомус – роковой сглаз (сокращенная форма).

Дуллис нуллис – контрзаклинание при наложении рокового сглаза (только в течение пяти минут после наложения сглаза).

Гряллиум пуллиум – заклинание хаоса (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Капут тынетут – заклинание, отделяющее душу от тела (черномагическое из списка 100 запрещенных заклинаний).

Гыгли-мыгли-карадыгли – наложение сглаза (черномагическое средней силы).

Фебрытбь – «антиикательная» магия.

Штушус коротышус – от рези в животе.

Кызютбампль шуму – от лягушачьего сглаза (применить не позже первого позеленения!)

Мотис-ботис-обормотис – против болотных хмырей. На другие виды нежити не действует.

Ноуменус кантус выпулялис – заклинание высвобождения магической сущности.

Разрази громус – смертельная клятва.

Актус кляузник макакис прерывонум забиякис – блокирующее заклинание Графина Калиострова.

Шлепкус всмяткус капиталис – заклинание размазывания по стене.

Парус спускалус – успокаивающее заклинание.

Атлантинус-волхвонис – заклинание пробуждения атлантов.

Сводус атлетус анаболикум – второе заклинание атлантов.

Буйнус палатис – для оживления скамьи (бешеное родео).

Кондовус руализмус – отменяющее заклинание (бешеное родео).

Цапус-застукалус – призывное заклинание проф. Клопа.

Вспышкус гробулис – смертельный аналог искрис фронтис! Используется темными магами.

Отрезвонум нормаликус! – отрезвляющее заклинание.

Маньякус пришивакус магфиозо якудзякус! – заклинание вызова магфиозных купидончиков.

Своякис маякис! – заклинание, чтобы посторонние не совали нос в твою записную книжку.

Пихалус экзаменостис! – экзаменационное заклинание. Обладает неприятными побочными действиями.

Кофейникус возбуждалус – предэкзаменационное заклинание.

Трынтравонис пофигатор – расслабляющее заклинание.

Фердыщус малокровус – заклинание против вампиров.

Рукли-букли-симпапукли – симпатяжное заклинание (+ тройной нормукли), усиленная форма.

Дистрофикус физкультурус! – заклинание силы.

Гумползит транзитум ваэреньо – паучий сглаз.

Быгус-гмыгус-тарагмыгус – червяковое заклинание малютки Клопика.

Максимус гигантус – увеличивающее заклинание.

Нормус плоцидус однорылос – заклинание расширения пространства – пятое измерение.

Мизур лилипутос – уменьшающее заклинание.

Кувалдус отбрыкус – дубиночное заклинание малютки Клопика.

Темпора моралес – пространственное заклинание.

Настройщикус криворукус – усмирение музыкальных инструментов.

Шмыгус сморкатис – заклинание вечного насморка © малютки Клопика.

Киякус каракатис! – стулопрыгательное заклинание © малютки Клопика.

Атыс-батыс-крутипедалис! – двигательное заклинание.

Прыгулис-дрожалис – обогревательное заклинание.

Гопус-стопус – удерживающее заклинание.

Ушкус намакушкус! – заклинание против подслушивания.

Меняус неодурачус! – «магический» взгляд; проверка на присутствие магии.

Дымус коромыслус! – заклинание магического дыма.

Дальнозоркис лупоглазус! – магический взгляд.

Воркалакус эндус черногорил – заклинание против оборотней.

Фикус-дрикус, канцлевариус трансформацио – заклинание превращения решетки © Ягун.

Аидус лета харонум танталум – заклинание вызова (ЧдТ).

Кофеусрастворимус; Чифириус – заклинания утреннего пробуждения © Древнир.

Идиос нафигус – нейтрализующее заклинание © Шурасика.

Спасибус не булькус сменяюус пузырьюс – формула общей благодарности.

Гломус вломус – стиль чугунного кулака © Гуня Гломов.

Ничегоус невечнус – заклинание быстрой смерти.

Кофеус эспрессо, Взбодреус виагрис, Жабскобс неткофе – возбуждающие заклинания.

Баста шмыглос – блокировка хмыриной щели © Жора Жикин.

Какновус – ремонтное заклинание © Жора Жикин.

Глушилос динамитос – заклинание против водной нежити © Гуня Гломов.

Обретайсиммо – заклинание обретения «своих» магических предметов.

Язвус гастритус – заклинание гурманов.

Матросиус – заклинание вызова корабля сна © «Книга Рока».

Ораторис демагогис – заклинание многоболтательных магвокатов © «Книга Рока».

Законус подлостус! – заклинание вредности © Прун.

Аммиакус нашатырюс – заклинание приведения в чувство © Гробыня Склепова.

Омонус всемлежатус – боевое заклинание принудительного открывания дверей © Графин Калиостров.

Пошли вонус – заклинание, загоняющее волшебные книги в клетку © Сарданапал Черноморов.

Тигранум эрхарт футц – заклинание, уничтожающее все магические ловушки и все построенные магией здания, если при постройке для защиты здания в фундамент не был заложен какой-либо магический артефакт. Кроме того, все магические ловушки могут быть сняты слезами единорога или капельками росы, собранными у него с боков.

Абордажис экз заолис преол гег орз! – заклинание глобального уничтожения. Каждая гласная в заклинании долгая. При большой концентрации энергии в перстне может уничтожить даже магический город. Главное условие: применяющий его маг не должен есть и пить полгода до его произнесения, кроме того, он должен отрубить себе правую руку и правую ногу. По этой причине заклинание использовалось исключительно редко.

Герониссум эрлих феррот либерус Дубодадум – заклинание освобождения из Дубодама.

Аморфус телепорцио – заклинание телепортации.

Сезаммо распахнулло – заклинание, открывающее двери.

Фосфорецелло – осветительное заклинание.

Адольфус бумерангум – заклинание возвращающегося башмака.

Новые заклинания

Мементум церебрализинум – позволяет воспользоваться знаниями, которые накопил двойник.

Маньякус потрошилус – антиманьячное заклинание.

Почтальонум недогоняллум! – заклинание доставки почты в Тибидохс.

Одиссеум небродулус! – заклинание возвращения потерявшихся предметов.

Очковтиралус – заклинание зомбирования консьержей © Таня Гроттер.

Вдушус нелезус – заклинание, защищающее от подзеркаливания.

Анонимус – заклинание сообщения тайных сведений. Впервые встречается в книге «Стуков» мага Шептуненко, которая является исключительно слепцам в самую темную полночь года.

Стаканчикус одноразовус – посудомойное заклинание © Гробыня Склепова.

Дебоширус – заклинание магического рева © Медузия Горгонова.

Ревус коровус – заклинание фальшивых слез © Дуся Пупсикова.

Тытутбольшусниктотус! – заклинание, позволяющее раздражить заокского гимрака © Медузия Зевсовна Горгонова (между прочим, доцент, если кого-то это волнует! – З.Ы. Приписка самой М.З.Г.).

Огнеметус пропанус – огнеметное заклинание © Гробыня Склепова.

Катапультос – заклинание усиления броска © Гробыня Склепова.

Дрыхнус беззадненогус – универсальное ночное усиленное заклинание, срабатывающее как на красные, так и на зеленые искры.

Твоимус устамус! – заклинание возвращения дурных пожеланий © Ванька Валялкин.

Пылесоссимо – заклинание чистоты и экстренного наведения порядка © Ванька Валялкин.

Ящерос финалис капутос – драконбойное заклинание, требующее уровня доступа А+++ , которым владеет одна Сарданапал.

Холодрыгус дубнякус фрост – замораживающее заклинание.

Полетные

Торопыгус угорелус – самое стремительное и опасное. Охотно используется магами, которым не терпится переселиться в Потусторонний Мир, и игроками в драконбол.

Тикалус плетутс – среднее по скорости и самое распространенное.

Пилотус камикадзис – медленное, но наиболее грузоподъемное. В равной степени подходит для слонов и недотеп.

Ойойойс шмякис брякис – подстраховочное.

Чебурыхнус парашютис – тормозящее.

Чебурыхнус парашютис форте – ускоренное тормозящее для экстренной посадки. При применении в неэкстренных случаях бывает опаснее экстренной посадки. В общем, мораль такая, что паника вредна.

Глава 1

Великая гонка

Человек, которому не нравится жизнь, похож на туриста, который заявился в лучший в мире дендрарий, отыскал в углу тазик с удобрениями, сунул туда голову и орет: «Тут гадко! Верните мне деньги за билет!»

Академик Сарданапал Черноморов

Сейчас, в шеститысячное мгновение послерассветья, чащера казалась вымершей. Замшелые, с ревматическими стволами деревья жалась друг к другу. Лишь отдельные деревца отважно выбегали из толпы на холм, точно вооруженные полукруглыми ножами бойцы-обреченцы. Они и были обреченцами. Здесь, в стороне от леса, дневной жар спалит их за десять-двадцать лет. В тесной и влажной чащере они прожили бы около ста. Но на открытом месте некоторые из них успеют разбросать семена, и жизнь леса будет продолжена.

Солнце – главный, но не единственный бич этого мира – висело на небе как приклеенное. Огромная, выжигающая глаза этикетка. Таня старалась, чтобы глаза не поднимались выше спин тех, кто бежал впереди. Когда долго смотришь на солнце, веки тяжелеют, глаза наливаются кровью и тянет в сон. Причем, раз уснув, можно не проснуться.

Если оглянуться, можно различить вдали, в половине верстулы, несколько хромающих фигурок. Фигуры напоминают толстых людей с горбами. Но это не люди. Это грифарлусы, падальщики или, как тут шутят, гробовых дел мастера – нечто среднее между пингвинами и грифами. Птицы, которые не летают, а ковыляют. Неловко, медленно, но неутомимо. Тридцать верстул, пятьдесят, сто – для них это не расстояние. Сегодня грифарлусы ковыляют за ними с самого старта. Интересно, им кто-то сказал, что будет добыча, или догадались сами?

Хотя мог уже выработаться инстинкт. Великая Гонка проходит каждый год. И обычно десятая часть всех, кто бежит, гибнет. Сколько лет грифарлусы питаются человеческим мясом? А ведь было время, говорят, когда они довольствовались дохлой рыбой и животными.

«Того паренька, что наступил на гнирду, уже доели. И того, что сломал ногу, когда бежали по камням, – тоже. Или забился куда-то. До ночи просидит, а там как-нибудь доковыляет, если не попадет докторам», – прикинула Таня.

Правда, кроме грифарлусов, здесь попадаются вэлки и улуты. Улут, медлительный, размером со стог сена слизняк, может сожрать спящего или раненого. Говорят, его желудок переваривает добычу несколько дней, и большую часть этого времени она остается живой.

Вэлк – дело другое. Маленький, длинный, как ласка, хищник выскакивает из малозаметных нор под корнями деревьев. Острыми, как бритва, зубами мгновенно выхватывает из тела жертвы кусок мяса размером с яблоко и вновь скрывается в норе. Там у него детеныши. Их опасно оставлять надолго. Вэлки – очень заботливые родители.

Таня не позволяла себе думать о тех, кому не повезло. Думать надо о себе. Заеваешься, собьешься с дыхания, не успеешь рвануть перед самым финишем, и все. Ставь на мечте крест.

Она бежала ровно и неумоимо, держа за щекой медную монету. С монетой не так хотелось пить. И она же служила тестом на усталость – еще до того, как Таня начнет уставать, ей захочется ее выплюнуть.

А спины все мелькали впереди, раскачиваясь от бега. Десятки спин, сотни. Каждая спина – соперник, каждая спина – конкурент в битве за выживание. Возможно, не все враги, но каждый наступит на горло, когда упадешь: своя-то жизнь важнее.

Правила простые. Дистанция – тридцать верстул. Десять верстул – чащепа, десять – болото, и последние десять – по пересеченной местности. Первые семь финишировавших получают возможность вырваться из этого мира. Остальные не получают ничего. Кому-то придется отложить мечту на год, а кому-то уже насовсем, если вышел срок.

Очередные десять верстул бежать приходилось через болото. Его так и называли – Болото. Никакого отдельного названия. На плоской, лишенной гор равнине Болото лежало как клякса. Над Болотом поднимался белый туман испарений. Из-за них Таня ощущала во рту безнадежную сухость. Даже монета помогала плохо. Отчасти ее утешало, что и другим не легче.

Уже несколько раз Таня обгоняла тех, кто сошел с дистанции. Два парня ковыляли, держась за животы. Лица у них были жуткие: зеленые, с

фиолетовыми полукружьями под глазами. Должно быть, бедняг вконец замучила жажда, и они рискнули напиться из ручья в чащепе. Еще одна девушка, кажется, Таня видела ее прежде, скорчившись от боли, каталась в камыше и умоляла ей помочь. Дважды она выползала на насыпь, но ее пинками отбрасывали обратно: на насыпи она мешала бегущим. Таня так и не поняла, что с ней. Или вывих, или снова укусы гнирды. Змей здесь полно. Обычно они прячутся в низинах и под влажными валунами, но от постоянного сотрясения почвы сотнями ног у них все путается в голове, и они становятся агрессивными.

По центру Болота тянулась насыпь – земля и камень. Слишком узкая для семисот человек, бегущих толпой. Началась давка. Таня оглянулась, и ей стало не по себе.

Теперь, когда вся масса бегущих вытянулась, как змея, повторяя сложные изгибы насыпи, стало видно, как же их много. Таня и раньше знала, сколько у нее соперников. Вместе с ними она стартовала. Но на старте все были выстроены на равнине четырнадцатью цепочками по пятьдесят человек, и можно было видеть только свою цепочку и еще одну впереди. Не так много и не так страшно. А тут она вдруг охватила взглядом всю массу разом. Кажется, за тобой целая армия. И почти такая же армия впереди. Таня находилась где-то в середине, ну, может, от силы в первой трети.

Засмотревшись на бегущих, Таня споткнулась и сильно ударилась большим пальцем левой ноги о камень. Боль была острой. В глазах заплескали черные пятна. Но не боли она испугалась, а того, что можно сойти с дистанции. Не переставая бежать, чтобы ее не снесли, Таня испуганно пошевелила пальцами. Уф! Облегчение! Нет, не сломала, ушибла, но пальцы надо беречь. На ней тонкие мокасины, а не грубые сапоги. Если побежать в сапогах – для ноги, конечно, безопаснее, но это только на первых десяти верстулах. Потом портянка размокнет от пота, собьется, и ступня превратится в жуткий шмат мяса. Из тех, кто бежал в сапогах, до финиша добиралась треть. Редко больше. Таня предпочитала не рисковать.

Впереди что-то произошло. Спины заметались, ругаясь и огибая кого-то. Недалеко от Тани кто-то, закричав, размахисто ударил соседа, и, насмерть сцепившись, они покатались по камням, пока не оказались в Болоте.

«Еще минус два! Неплохо!» – подумала Таня.

Особенно ее порадовало, что один из скатившихся в трясины, некий Кузья-Тузья, входил в число фаворитов сегодняшней гонки. А теперь его можно больше не опасаться.

Сама Таня драк пока избегала, хотя несколько раз ее грубо провоцировали. Подрезали, хватали за плечи, а один раз, придерживая, вцепились в волосы. Ничего. Она потерпит. Пусть лучше тебя кто-нибудь пнет – ему же хуже, собьется с дыхания, потеряет ритм или (вообще отлично!) повредит пальцы на ноге.

В толчее кто-то попытался срезать у Тани флягу, в которой еще оставалась вода. Она оглянулась. Паренек с криво растущим передним зубом отпрянул и стал демонстративно смотреть в сторону.

«Лопух! – презрительно подумала Таня. – Кто ж так срезает внатяг? Надо правильно срезать, с подхватом! И, главное, побольше толчеи! В ухо-то чего пыхтеть?»

Показывая кривоzubому, как нужно работать, Таня носком правой ступни придерживала ногу мчавшейся впереди высокой девицы. Девица выглядела такой красной, потной и выжатой, словно бежала не несчастных три часа по чащепе, а минимум сутки. В жалкой попытке удержаться клуша вцепилась в плечо парня, который бежал перед ней, и опрокинулась с ним вместе. Подножка была такой мгновенной, что сама девица даже не поняла, почему оказалась на земле.

О них еще кто-то споткнулся, и сверху мгновенно выросла куча-мала. Сделав вид, что тоже упала, Таня ловко нырнула в кучу. С одного пояса она сдернула нож с перламутровой ручкой, с другого – песочные часы на цепочке, окованные серебром. Прежде чем сунуть добычу за пазуху, Таня насмешливо продемонстрировала нож и часы кривоzubому парню. Тот отвернулся, делая вид, что не завидует.

Конечно, нож и часы очень приметны, ну и что из того? Если до завтрашнего вечера хозяин не отыщет и не вернет вещь, она переходит к Тане и становится полной ее собственностью. Хозяин не имеет права забрать ее, как бы сердит ни был. Только украсть обратно. Для того и нужны кражи, чтобы люди учились думать и всегда были настороже.

Таня чуть замедлилась и бежала, стараясь дышать носом и не очень глубоко. Испарения Болота ослабляют. Если кто-то этого не учтет, свалится через пять-шесть верст.

Вдох-выдох. Вдох...

Таня вдыхала, выдыхала и вспоминала. У нее восемьсот восемьдесят два гранда. Число 882 она представляла себе так отчетливо, словно сознание было блюдцем, а три цифры просто лежали на нем. Две восьмерки как два перекрученных каната и плывущая лебедем двойка. Она зарабатывала их день за днем, тряслась над ними, сберегала от штрафов.

Гранды – это не самородки. Купить на них ничего нельзя. Гранды – это баллы, накопленные за время обучения.

Послышался нарастающий гул. Все торопливо пригнулись. Над головами, раскинув огромные крылья, пронесся крупный стрекот. Прوماхнулся. Да и не особо старался. Таня отметила, что стрекот сыт и летит тяжело. Еще бы – столько корма на равнине. Кто-то из замыкающих, скорее всего Верча Пугай, выпустил вслед стрекоту стрелу.

«Вот шляпа! На что она, интересно, надеялась? – осуждающе подумала Таня. – Попасть стрекоту в глаз? Да еще била в треть натяга. А хорошие стрелы стоят два самородка за дюжину».

Стрекоты покрыты не перьями, а тонким, чрезвычайно прочным панцирем из множества отдельных пластин. Когда стрекот летит, пластины гудят на ветру, и получается звук, будто кто-то играет листом железа. Из пластин стрекотов кузнецы склепывают нагрудники. В бою они легки, а удара не пропустят. Только с копья и просадишь.

Изредка Таня немного отпускала вперед бегущие спины и старалась высмотреть в толпе Гулеба. Как и она, Гулеб слишком дальновиден, чтобы сразу вырываться вперед. Смысл? Когда мчишься первым, твоя спина – дразнящая мишень для отстающих. Беднягам достается большая часть отравленных шипов, которые припасены у каждого. Разумеется, правила это запрещают, и за отравленный шип могут вздернуть, но ведь нарушение надо еще доказать...

Опять же, не исключено, что один из тех, кто не имеет шанса победить честно, подвесил над тропой мешок с таранталиусами или протянул у земли тонкую прозрачную леску, которая тянется к спуску самопала. Задень ее – и твой частный финиш наступит раньше, чем ты надеялся. По этой же причине и Таня не вырывалась пока вперед и держалась в общей массе.

Она не забыла позапрошлую Великую Гонку, когда сразу четырнадцать фаворитов оборвались вместе с подвесным мостом в мелкую быструю реку с каменистым дном. Кто расклепал кольца на опорных столбах, так никогда и не узнали. Но, похоже, побеспокоились еще с вечера.

Попыток найти виновного никто не предпринимал. «Смотрите на вещи трезво. Не можешь взять силой или скоростью – бери умом», – сказала мать-опекунша Чумья, разглядывая победителей, стоявших на Холме Удачи. Вот и сегодня не исключено, что кто-то не попытается «взять умом».

Таня еще высматривала Гулеба, не понимая, куда он подевался, когда неожиданно послышался короткий крик и – почти одновременно – всплеск. Многие остановились, с острым любопытством наблюдая, как в Болоте всего в метре от насыпи барахтается Юрсон Иди-От-Сюд. Таня даже усомнилась, он ли это или просто кто-то похожий. Не может быть, чтобы так просто! Юрсон-отличник, Юрсон-предусмотревший-все-на-свете, Юрсон – фаворит гонки, Юрсон-везунчик и вдруг в Болоте?

Пробиваясь к краю насыпи, чтобы наверняка убедиться, что это Юрсон, Таня зацепила плечом высокого парня. Тот обернулся, и она узнала Гулеба. Лицо у Гулеба было очень грязным, но крайне довольным. На скуле запеклась кровь. Или колючая ветка по лицу хлестнула, когда все продирались через чащепу, или кастетный перстень с царапкой оставил рваную рану. Вспомнив массовую драку в овраге, где приходилось взбираться по крутому глинистому склону, в то время как задние вцеплялись в одежду и сдергивали вниз, Таня склонилась к кастетной гипотезе. Кстати, овраг очень помог. Там осталось человек шестьдесят, включая двух фаворитов.

– Жаль, что не в глаз! Меньше бы на меня пялился! – проворчала Таня.

Говоря по правде, Таня была довольна, что Гулеб дешево отделался. Тане он нравился, хотя она скорее позволила бы иглицу себе под ногти вогнать, чем

признала бы это вслух. Волосы у Гулеба иссиня-черные, длинные, не схваченные сзади ни шнурком, ни резинкой. Когда они начинали лезть в глаза, Гулеб присаживался на корточки перед первой попавшейся колодой и отмахивал челку острым как бритва топориком. Прямо так, не задумываясь. Лицо смуглое, точно навсегда загорелое. Брови смыкаются, к краям же становятся густыми. Прямая черная черта. Другая такая же черта – рано пробившиеся, тоже очень темные усики. Зубы мелкие, но белые и острые, как у хорька.

– Это Гулеб его! Я видела. Подождал, пока Юрсон оказался на краю насыпи. Наскочил сзади – ну он и улетел... – поймала Таня осторожный шепот. Она оглянулась, чтобы понять, кто это шепчет, но лиц вокруг было множество.

Конечно, могли и врать, но, вспомнив, каким довольным было лицо у Гулеба, когда она его увидела, Таня не усомнилась: так все и произошло. Умный и осторожный Гулеб зачищал опасных конкурентов. Короткая, яростная схватка, когда непонятно, с чего все началось и кто напал первым. Резкий удар, подножка, и тот, кто не сумел мгновенно собраться, улетает с насыпи.

Юрсон продолжал упорно барахтаться, хотя понимал, что из Болота самому не выбраться. Даже на палец не сдвинуться – слишком топкое дно. Его жирная трясина была, по сути, желудочным соком. Юрсон еще сражался за жизнь, но фактически Болото медленно переваривало его. Болоту тоже нужно питаться, ничего не поделаешь. Правда, если Юрсона прямо сейчас, не мешкая, вытащить, его еще можно спасти. И Юрсон это знал. И ноздри держал высоко над водой, чтобы жижа не затекла в них. Кожа еще ничего: небольшой химический ожог не смертелен, да и одежда защитит. Главное, чтобы воды Болота не попали в дыхательные пути. Тогда отек и страшная смерть.

– Руку! Дайте мне кто-нибудь руку, сволочи! Я в долгу не останусь! Здесь же на месте заплачу! – орал Юрсон.

Орал он громко. С честной яростью. Однако особого страха в глазах у него не было. К смерти тут относились легко. И к своей, и к чужой.

– Заплатишь? Сколько у тебя? – деловито поинтересовался Гулеб.

Он подошел к краю насыпи и присел на корточки, насмешливо разглядывая протянутую к нему руку. Заляпанная болотной жижей ладонь была совсем

близко, в полуметре, но все же не доставала ни до Гулеба, ни до берега.

Юрсон пыхтел и тарасил глаза. Как же он ненавидел Гулеба: горло готов был ему перегрызть, но приходилось сдерживаться.

- Уже и ручку протянул! Прямо как милостыню просишь! Я спрашиваю: сколько у тебя? - повторил Гулеб.

- Семнадцать! Клянусь: семнадцать! - быстро выпалил Юрсон.

Гулеб недоверчиво зацокал языком.

- Семнадцать? Врешь!

- Не вру!

- Врешь!.. У тебя не больше пяти!

- Докажи!

- Легко. Пятнадцать самородков - цена легкой кольчуги. Будь у тебя семнадцать - ты бы ее купил. Она увеличивает шансы.

- Пусть так. Но пять самородков тоже на дороге не валяются, - назидательно произнес кто-то рядом с Таньей.

Шесть-Хмур-Дыр. Толстощекий парень. Таня давно заметила, что парнишка малость жадноват. Интересно, сколько самородков у него найдется, если потрясти его хорошенько? Как бы не три сотни! Всегда готов дать в долг, правда под дикие проценты и с серьезным залогом.

Хотя Шесть-Хмур-Дыр говорил тихо, Гулеб его услышал.

- Допустим, - сказал он, не оборачиваясь, но очень адресно и веско обращаясь к Шесть-Хмур-Дыру. Голос Гулеба, как всегда, звучал ласково, но в нем чувствовалась сталь. - Не валяются! Но подумай: у парня не меньше девятисот

грандов. Больше, чем у любого из нас! Он лидер! Кто станет помогать ему за пять жалких самородков?

Шесть-Хмур-Дыр облизал губы.

– Да! – быстро согласился он. – Что верно, то верно. За пять, конечно, нет, но вот если семнадцать...

– Пять! А может, вообще два. Или один! – жестко отрезал Гулеб.

– У меня их не два! Заглохни, сволочь! Не два!!! – с яростью крикнул Юрсон.

То и дело он опускал глаза и оценивал, с какой скоростью погружается в трясину. При этом старался не шевелиться: всякое лишнее движение – потерянная секунда жизни.

– Хорошо! Проверим! Бросай сюда свой мешочек! – предложил Гулеб.

Юрсон упрямо мотнул головой. Он отлично знал, что Гулеб способен и самородки взять, и не помочь. А почему нет? Дураков учат. Если уж тебе попался на пути дурак – выпотроши ему карманы прежде, чем это сделают другие.

– Жаль, что нельзя передавать гранды... Теперь он сдохнет, а с ним и девятьсот грандов пропадут, – страдая, сказал Шесть-Хмур-Дыр.

Гулеб серьезно кивнул. Ему тоже было досадно, что нельзя передавать гранды. Таня, не отрываясь, смотрела на его подбородок. Крепкий, с ямочкой, но одновременно и не массивный. Что за радость иметь подбородок, как у Щелкунчика? Настоящий мужской подбородок должен быть таким, как у Гулеба. Правда, очень часто ей хотелось врезать кулаком прямо в центр этого самодовольного, никогда не ошибающегося подбородка.

– Я размышлял об этом. Если бы разрешили передавать гранды, мы перерезали бы друг друга. И не только мы, но и взрослые. Началась бы всеобщая резня. Поэтому передавать их нельзя. Гранды – основа общественного строя. Как ты станешь старейшиной или судьей, если у тебя мало грандов? – сказал Гулеб.

Танье захотелось все-таки подать Юрсону руку. Просто назло Гулебу – такому правильному и рассудительному. Остановило ее опасение, что кто-нибудь, воспользовавшись тем, что она наклонится над Болотом, толкнет ее сзади ногой. Тот же Гулеб, к примеру. Или Шесть-Хмур-Дыр. В конце концов, она тоже одна из фавориток, хотя и старается сохранить это в тайне. Но многие догадываются.

Гулеб посмотрел на небо и плюнул. Он всегда плевал так, будто хотел попасть в солнце.

– Побежали, что ли? – равнодушно сказал он. – Этот парень еще полчаса тонуть будет. Вон сколько народа нас обогнало!

Гулеб повернулся и побежал. Неторопливо, вразвалку, раскачиваясь корпусом, как маятник. Сложно поверить, но таким образом он преодолел уже половину пути. Быстро тут не бегают, особенно на такие дистанции. Главное – беречь силы и ноги. Если сломаешь голень или вывихнешь стопу – никто тебя ждать не будет. И тащить никто не станет. Достанешься грифарлусам. Месячник по уборке территории, как шутит мать-опекунша Чумья.

Оглядываясь на Юрсона, Танья побежала за остальными. Внезапно ей вспомнилось, что однажды, когда она забыла принести в класс буквиг для выжигания знаков, Юрсон дал ей свой запасной. И ведь рисковал за это штрафным грандом! Зная, как сильно Юрсон трясся над каждым грандом, он совершил подвиг.

Конечно, друзьями быть нельзя, это запрещено законом. Человек, имеющий друга, станет полагаться на кого-то еще, а не только на себя. А это и глупо, и расслабляет, и в конечном счете ставит под угрозу твое собственное выживание. Опять же, если тебе когда-нибудь покажут на друга и прикажут: «Убей!», а ты не сделаешь этого, это будет прямым нарушением приказа.

Танья оглянулась еще раз. Юрсон смотрел им вслед, медленно погружаясь в трясины.

Вдох – раз – два – выдох. Главное – беречь силы и ноги!

Танья знала, что, когда все пробегут, подойдет замыкающий гонку врач и выпустит болт из арбалета в голову Юрсону. Если, конечно, Юрсон не скроется в

Болоте раньше. А что поделаешь? Работа у врача такая. Клятва Гиппократу: пациент должен быть убит, если не способен самостоятельно добраться до лечильни или оплатить свою доставку. А Юрсон, он явно не может.

Что-то больно ударило Таню по голени. Палка. Точнее, часть копейного древка без наконечника. Деревья на насыпи не росли. Таня, ойкнув, остановилась и стала растирать голень. Первым ее побуждением было отомстить древку, забросив его в Болото. Но вместо этого она неожиданно для себя подняла его и, прихрамывая, побежала обратно. На нее кричали, ее толкали, били. Ей приходилось пробираться сквозь толпу бегущих ей навстречу.

Солнце жарило ровно, безжалостно. Над Болотом поднималась едкая белая дымка. Квакали лягвы. И почему, интересно, их Болото не переваривает? Нелогично как-то. Вроде бы та же самая протоплазма. Или они тины в рот не набирают? Хотя, говорят, все дело в защитной слизи.

Юрсона она увидела не сразу и решила, что его затянуло. Предположив это, Таня испытала облегчение, что можно не помогать, а возвращаться. И тут увидела торчащее из воды задранное лицо. Только лицо – остальное уже скрылось в жиже. Юрсон продолжал бороться. Берег ноздри и рот. Кажется, когда Таня появилась, в глазах у Юрсона мелькнуло облегчение.

Таня присела на корточки и, опустив древко в трясину, ткнула Юрсона в грудь.

– Хватайся давай! Живее! Время тут из-за тебя теряю! – крикнула она с раздражением.

Юрсон не заставил просить себя дважды. Вцепился в палку цепко, как клещ. Таня потянула, досадуя на себя. Естественно, вытащить парня из трясины ей не удалось. Слишком капитально он засел. Хорошо, хоть сама удержалась на насыпи. И не надо рассказывать сказки про женские мышцы. Даже если ты и подтягиваешься двадцать раз, это не означает, что ты Геркулес.

– Веревки нет? – Юрсон боялся шевелить губами, чтобы в рот не попала жижа.

– Двадцать веревок! – мрачно ответила Таня.

– Скверно. Тогда ложись на живот и вцепись в палку руками! Тянуть не нужно – я сам! – велел Юрсон.

– Очень мне надо тебя тянуть! Чтоб ты утонул! – огрызнулась Танья, но совету последовала.

Она лежала на насыпи, вцепившись в древко, и ощущала себя сухопутным якорем. Юрсон выбирался долго и мучительно. У Тани онемели пальцы.

Грязный, как свинс, Юрсон стоял на четвереньках и кашлял. Его рвало.

«Нет, не нахлебался! А вот кожей насосал. Неделю теперь будет какдохлый», – оценила Танья.

Откашлявшись, Юрсон встал. Сдернув с пояса мешочек с самородками, он протянул его Танье. Она ударила его ногой по руке, и мешочек упал на насыпь.

– В расчете! – сказала Танья.

Юрсон удивленно уставился на нее. Его шатало.

– За что? – непонимающе спросил он.

– За тот буквиг. Он пророс с процентами. А теперь катись!

Юрсон мрачно кивнул и, наклонившись, поднял мешочек. Он был совсем тощий.

– Гулеб был прав. У меня не семнадцать самородков. Даже не пять. Их всего четыре! – сказал он с вызовом.

– Гулеб всегда прав, – отрезала Танья.

Именно это в нем ее больше всего раздражало.

– Гулеб – сволочь! – сказал Юрсон сквозь зубы.

Таня фыркнула.

- Ну и что? Он этого не скрывает. А ты сам не сволочь?

Юрсон пожал плечами. Его волновало другое. Таня догадывалась что.

- У тебя девятьсот грандов! - задумчиво сказала она.

- У меня их не девятьсот! - Юрсон глядел себе под ноги.

- А сколько?

Несколько мгновений Юрсон колебался, потом решился и отчаянно крикнул:

- Девятьсот двадцать! Ясно тебе?

Таня присвистнула. Бывает же такое. Она-то знает цену каждому гранду. Собирает человек до кровавого пота, а теперь вот все потерял. До финиша ему не дотянуть.

- Сегодня я сойду с дистанции, и они прогорят. Зарабатывай все заново! А потом мне исполнится семь тысяч триста дней, и все! Я застряну здесь, как все остальные уроды!!!

- Сочувствую, - сухо сказала Таня.

- Ты сочувствуешь? Да плевать тебе! Всем тут на всех плевать! Вкалываешь столько времени, и все псу под хвост! Надо было оставить меня в Болоте! Пусть бы я сдох - недолго оставалось! - завизжал Юрсон.

Тане стало скучно. Когда парень себя жалеет, это противно. Ноздри-то небось берег.

- Это запросто! Один удар ногой, и ты там! Помочь? - предложила она.

Юрсон стоял и качался. Хватило бы толчка пальцем. Кожа у него была зеленая, как у лягвы.

- Помоги мне! Дотащи! – попросил он жалобно. – Пусть я буду последним, но не сойду! Мои гранды не прогорят! Главное – пересечь линию финиша!

Таня мотнула головой.

- Что я тебя, на плечи взвалю?

- Таня! Дотащи меня!.. Я буду на тебя опираться! Дам тебе все, что захочешь... у тебя нет арбалета, я знаю! А у меня он почти есть! Я отдал за него залог! Осталось всего несколько самородков, и он мой!

- НЕТ!

- Таня, умоляю! Я знаю: ты думаешь, что я обману! Сейчас говорю одно, а потом скажу другое! Клянусь тебе: нет!

- Обманешь, конечно. Еще и шипом ткнешь, – уверенно сказала Таня. – Но я все равно сказала бы нет. Даже если бы и не обманул.

Юрсон жадно всматривался в нее. Искал ключ. Усталые, залитые кровью глаза. Держался одной волей.

- А... вот в чем дело! Ты надеешься победить! Да?

- Не твое дело!

- Твои гранды не прогорят! Ты еще сможешь рискнуть в следующий раз!

Таня покачала головой.

- Не пойдет! Они постоянно меняют правила. В этом году минимальной нормой для участников Гонки было восемьсот грандов. В следующем грозят сделать девятьсот, и тогда я пролетаю. Мне столько не набрать! – упрямо сказала она.

– Ты подумай: отличный боевой арбалет! – шептал Юрсон. – Он пробьет любой щит! Я покупаю его у старого мага Кылоппа! Он стоит по меньшей мере тридцать самородков! А скоро будет сорок!

Таня упрямо сдвинула брови. Он что, глухой?

– Я сказала: нет. Если я выиграю, мне не нужен будет арбалет!.. Пока! Попытайся как-нибудь добрести. Или попроси кого-то другого. За арбалет многие согласятся.

– Они меня бросят на полпути! Никто не соглашался меня вытащить... Никто!

– Сочувствую. Прощай!.. Мне надо нагонять!

Таня повернулась, собираясь бежать. Юрсон, шагнув вперед, вцепился ей в запястье. Едва на ногах стоит, а хватка железная.

– Не уходи! Не бросай меня! Если ты уйдешь – они меня снимут! Ноль грандов! Я никогда больше не наберу нормы для участия в Великой Гонке! А потом мне исполнится семь тысяч триста дней и – меня больше не допустят!

– Это твои сложности! Хочешь, чтобы мы застряли вдвоем? – резонно возразила Таня.

Юрсон страдальчески оскалился. Среднего роста остролицый отличник. Первый в их выпуске... Ну что поделаешь? Не повезло человеку.

– Отпусти по-хорошему! Я уйду! – твердо сказала Таня.

– Вот ты как? А, гадина!.. Не хочешь помогать? Я донесу на тебя! Навру, что ты поделилась со мной водой! Дала мне фляжку! Или что-нибудь еще придумаю! – бессильно пригрозил Юрсон.

– Валяй! Кто тебе поверит? – сказала Таня с бесконечным презрением.

Юрсон спохватился. Залебезил.

– Таня, я пошутил! Пожалуйста! Дотащи меня!.. Я же давал тебе буквиг!

– Буквиг всего лишь острая стальная палочка. За нее я уже расплатилась. Отпусти мою руку! Я спешу! – терпеливо повторила Таня.

– Не отпущу! – взвизгнул Юрсон. – Или тащи меня, гадюка, или...

Таня резко ткнула его основанием левой ладони в подбородок. Голова Юрсона мотнулась вверх. Таня не стала дожидаться, пока она опустится, и, развернувшись, безжалостно ударила его в челюсть локтем. Юрсон покачнулся и, сложившись в коленях, как кукла, рухнул лицом вниз.

«Разумеется, будь он готов к удару – я бы его не вырубил. Хорошо, что он не был готов», – озабоченно подумала Таня, радуясь, что не повредила пальцы.

Она наклонилась, рывком перевернула Юрсона. Шевелится, это хорошо. Значит, успеет очухаться до того, как приковыляют грифарлусы. А там пусть победит тот, кто ковыляет быстрее.

Задержка с Юрсоном спутала ей все карты. Теперь Таня бежала намного быстрее, чем планировала. Ей приходилось безжалостно расталкивать отстающих. К счастью, большинство из плетущихся в конце слишком вымотались, чтобы метнуть в нее шип. Много было травмированных, хромящих, с ушибами, с вывихами. «Это все после того оврага или, возможно, после каменистого ручья в чаще», – подумала Таня.

Она обратила внимание, что никто из «калек» друг другу не помогает, хотя вдвоем хромать было бы сподручнее. Например, тот сильный парень, которому брызнули в лицо ядовитой гадостью, мог бы не сам нашаривать дорогу, а помочь тощей девице с вывихом ступни. А она могла бы не сталкивать его в Болото, а поработала бы за двоих глазами. Тогда добрались бы оба и не потеряли гранды. Да ну, плевать! Мысли крамольные лезут в голову!

Ну все, не отвлекаться! Жаль, что приходится расходовать силы, но надо наверстывать. Основная масса уже убежала вперед. Возня с Юрсоном отняла у Тани около шестисот мгновений. Ничего... до финиша еще немало верстул. Нагонит. Главное – правильно соразмерить ускорение. Не стоит догонять основную группу слишком рано, чтобы остаться без сил в самый ответственный

момент. И поздно тоже не стоит. Лучше всего – вовремя. Где-нибудь в пяти верстулах от частокола.

Юрсона она окончательно выбросила из головы. Нет смысла заморачиваться, когда не можешь чего-то изменить. Скверно, конечно, да и сердцу беспокойно, но, в конце концов, он на ее месте поступил бы так же. Разве нет? Каждый должен думать о себе, потом уже о других. Закон выживания.

Ближе к концу насыпи Танье все чаще приходилось перешагивать через неподвижно лежащие тела, огибать сидящих на камнях или медленно плетущихся. Это ее немного утешило. Кажется, многие надышались ядовитых испарений.

Лидерскую группу Таня нагнала не в пяти верстулах от частокола, а в четырех. Где-то просчиталась и переоценила свои силы. Ничего – другим тоже тяжело. К группе она пока приближаться не стала, а держалась поодаль.

Отставшие и выбившиеся из сил попадались теперь постоянно. То по одному, то маленькими группками. Обгоняя одного за другим, Таня больше не испытывала радости. Не стоит отвлекаться на эмоции.

Волокнут ноги, как парализованные. Некоторые останавливаются. Пытаются бежать, пробегают несколько метров, падают. У кого-то лица красные, у кого-то белопористые, с розовыми пятнами. Таня старалась не приближаться к таким группам, предпочитая сделать хороший крюк. А то еще вцепятся, чтобы задержать.

Тонешь сам – топи другого. Спору нет, правило мудрое, но оно же, будучи логически продолжено, означает, что от утопающих лучше держаться подале. Таня постепенно начинала задыхаться. Медную монету она давно выплюнула и даже не запомнила, когда и где. Это был скверный признак – значит, силы на исходе.

Светлое кольцо частокола огибало холм, смыкаясь где-то в незримости. Казалось, холм окружен воткнутыми в землю спичками. С той только разницей, что Таня знала: каждая такая спичка – здоровенное, в два охвата бревно с заостренным краем. У них в чаще таких бревен нет. Их сплавляют по реке из предгорий, предварительно связывая в плоты.

Когда Таня была маленькой, одним из таких плотов, разогнавшихся на быстрой реке, были убиты ее отец Лео-Поль и мать Софь-Я. Правда, некоторые шептали, что перед этим они серьезно повздорили с матерью-опекуншей Чумьей. Да и зачем им было идти ночью на реку и лезть вдвоем в ледяную воду?

Иногда Таня думала, что раз родители позволили себя убить и не прикончили Чумью первыми – значит, они были или слабые, или добрые, а раз так, то и переживать особенно не о ком. Неудачники или мечтатели – неизвестно еще, что хуже. Толкли краски из цветных камней, рисовали на стенах домов никому не нужные картины, играли на контра-боссе, вместо того чтобы приобретать прочное социальное положение. Стать судьей, тюремщиком, крючкомвором. Мало ли хороших профессий, которые приносят горы самородков?

Но все равно к горлу подкатывал противный ком. Она, кажется, действительно делала что-то запретное. Любила этих нелепых дураков!

Хотя, если задуматься, все не так уж и плохо. У нее хотя бы были родители, она знала их имена, сохранилась даже небольшая эмаль, сделанная странствующим магводожником: Лео-Поль и Софь-Я в день свадьбы. В последние же годы законы стали куда строже. Теперь матерям завязывают глаза. Повивальные бабки с отрезанными языками уносят новорожденных и после приносят их кормить разным матерям, причем стараются, чтобы всякий раз это были разные младенцы. Ни матерям, ни детям ни к чему лишнее привыкание. Привыкание рождает любовь, а любовь нарушает закон пяти пальцев.

«Будем смотреть на вещи трезво! – сказала себе Таня, всматриваясь в частокол. – Я должна бежать! Просто бежать! Это я могу изменить, а все другое – нет!»

Частокола ожидали. Это был знак, что финиш близок и сил уже можно не беречь.

Большая часть состязающихся ломанулась вперед сразу, давя друг друга, но Таня дождалась, пока спички стали размером с мизинец. Пусть перетопчут друг друга, а мы пройдем как по маслицу. Спокойно, девочка, спокойно! Запаникуешь – погибнешь! Ты, может, не самая крутая, но точно самая умная!

«Скоро овражек! До овражка дергаться не буду!»

Таня просчитала, что впереди человек сто. И некоторые, в том числе и Гулеб, наверняка несутся во главе основной группы, дышащей им в затылок. Сейчас там градом летят метательные шипы, идут в ход кастеты, и гонка то и дело лишается кого-то из лидеров.

Таня хорошо изучила последний отрезок пути. Несколько раз проходила его пешком за последний год. Запоминала, как меняется луг в дождь, а как при ярком солнце. Где трава выше, где тверже почва. Она знала, что обычно овражек не виден из-за высокой сухой травы и выскакивает только вблизи. Овражек был частью старого, небрежно засыпанного оборонительного рва. Глубиной в два человеческих роста и шириной в полтора прыжка. Казалось бы, ерунда, но не для тех, кто, задыхаясь, бежит тесной толпой, не видя ничего, кроме спин несущихся перед тобой.

Еще издали Таня услышала стоны. У нее были, конечно, тайные надежды на этот овражек, но, признаться, не такие. Действительность превзошла самые смелые ожидания. Овражек был полон до краев. В нем лежало человек семьдесят. Десятая часть всех, кто принял сегодня участие в Великой Гонке!

Оглушенные, раненые, задавленные в тесноте. Некоторые, пострадавшие меньше прочих, пытались выкарабкаться, но раненые придерживали их. Вцеплялись пальцами, зубами, хватали за волосы. Пускали в ход ножи и отравленные шипы. Все правильно. Когда тебе плохо – должно быть плохо всем.

«Подумать только! Жалкий овражек!» – изумилась Таня, прикидывая, сколько явных фаворитов, сгоряча вырвавшихся вперед, барахтается теперь в этой дыре. Она испытала даже нечто вроде мимолетной жалости.

Видимо, первая масса, не удержавшись, сорвалась в ров и наполнила его собой. Если кто-то и пытался остановиться, его сносили бегущие сзади. Следующие же просто пробежали у них по головам. Разумеется, никто не хотел ждать.

Опасаясь, что ее кто-нибудь схватит за ногу, Таня осторожно перебежала овраг по единственной узкой насыпи, в которую превратилась вросшая в землю и развалившаяся метательная машина.

У нее на глазах из овражка вылез мощный парень в легкой кольчуге, не боявшейся уколов и метательных шипов. Двое попытались придержать его и

стащить вниз. Мощный парень неторопливо обернулся. Ударил один раз, другой. Бил кулаком, одиночными мощными ударами справа. Те двое легли и больше не вставали. Мощный парень озабоченно посмотрел на свою руку, сжал и разжал пальцы и, прихрамывая (он был в тяжелых сапогах), побежал догонять лидерскую группу. Таня узнала его. Это был Гуньо Глуми – первый силач из всех, кому не исполнилось семь тысяч триста дней. Самое интересное, что, хотя Глуми не блистал умом, грандов у него было немало. Помогали призовые баллы в спортивных состязаниях, которые тоже засчитывались как гранды.

Кроме кольчуги Гуньо можно было узнать и по сапогам. Он один из немногих отважился обуть их. Ноги, конечно, сдерет, зато можно не бояться камней да и драться удобнее.

– Привет, Глуми! – крикнула Таня и, пробегая мимо, хлопнула его по плечу, зная, что ее он не ударит.

Силач оглянулся на нее и, улыбаясь, махнул рукой. Они, конечно, были не друзья. Дружить запрещалось. Просто недостаточно хорошие враги. Но это ничего. Гранды за это не минусуют.

За высокой травой мелькали спины. Таня прикинула. Человек пятьдесят все же прорвались через ров. И эти пятьдесят – явные лидеры гонки. Каждый из них может войти в семерку. Все, пора!

До финиша оставалось совсем немного.

Таня внутренне собралась. Усталость не имела никакого значения. Если она пожалеет себя сейчас, то, возможно, целую жизнь будет грызть от досады локти, что вот не смогла, не сумела.

«Финишный рывок!» – приказала она себе и стрелой рванулась вперед.

С ходу она обогнала человек десять, растянувшихся по лугу. Дальше стало гораздо сложнее. Теперь ей приходилось состязаться с лучшими – самыми выносливыми, самыми умными, у каждого из которых была своя тактика. Кто-то брал силой, кто-то умом, кто-то просто уничтожал всех оказывающихся на его пути.

Некоторое время Таня набиралась решимости, а потом бросилась в самую плотную, самую сердитую, жужжащую, как осиный рой, толпу, отделявшую ее от фаворитов Гонки. Просчитать тут ничего невозможно: дело случая. Ее не пропускали, толкали, били, царапали, хватали за волосы, вырвали из правого уха серьгу.

Задыхающийся, скалящийся от усталости паренек, которого Таня обошла справа, вцепился ей в плечо. Таня поднажала. Услышала треск ткани и вырвалась, оставив у него в пальцах отодранный рукав. Другой отстающий парень схватил ее не за ткань, а за руку, впившись ногтями в кожу. Нет, этот не отпустит, крепкий. Присев и занизив центр тяжести, Таня заставила его наклониться к ней и, резко откинувшись назад, боднула в лицо. Не лбом, а затылком. Поворачиваться было слишком долго и опасно. Да и не нужно. Таня услышала, как хрустнула переносица. Но это не главное. Главное – парень разжал пальцы.

Девчонке, бежавшей прямо перед ней, Таня подсечкой подбила задержавшуюся ногу. Девчонка опрокинулась. Таня перебежала через нее, наступив ей ногой на спину. Существовал, конечно, риск, что та метнет шип. Но пусть еще разберется в такой толчее, кто ее подсек.

Дальше Таня ничего не помнила: сплошная мешанина лиц, спин, ног. Кто-то шипел, хватал ее, толкал, бил. Она тоже на кого-то шипела, била. Один раз даже пришлось кого-то укусить. Она не запомнила кого, но во рту долго оставался привкус чьей-то не самой вкусной и не самой стерильной руки. Таня не знала, сколько прошло времени, но внезапно ощутила, что бежит свободно. Это могло означать одно: она прорвалась в первую двадцатку, и теперь перед ней только самые сильные.

Вот мелькает голова Жанин Абот. Таня ее побаивается. Жанин – некромагус, то есть, как и Гулеб, личная ученица самой матери-опекунши Чумьи. Она читает мысли человека по глазам и заставляет шевелиться высохшие кости. Когда волнуется, начинает говорить невнятно и проглатывать согласные. Три года назад влюбилась в Гулеба и поклялась на книге матери-опекунши, что он достанется или ей, или никому. Тогда же для усиления клятвы она провела ножом по руке, и теперь на запястье у нее шрам.

От Жанин Абот лучше держаться подальше. Она способна на все и Таню терпеть не может. А вот Рэйто Шейто-Крейто – мрачная высокая девушка,

специалист по зельям, ядам и сглазам. Красиво бежит, гибко, как пума. И – странное искажение теории вероятности: почему-то каждый, кто падает рядом с Рэйто, ломает себе ноги. Если же он падает где-то в другом месте, то спокойно вскакивает и бежит дальше.

Недалеко от Рэйто – Гробо Клеппо. На бегу она оглядывается и кого-то высматривает. Таня видит ее раскрасневшееся лицо и слышит тяжелое дыхание. Устала бедняга, но выдержит – упорная. Да и осталось немного – полверстулы.

Лицо у Гробо асимметричное, но красивое. Волосы сегодня зеленые, вчера были фиолетовыми, а какими они будут завтра, не знает даже она сама, поскольку Гробо – девушка мгновенных настроений. Гробо Клеппо кажется безоружной, но это только тем, кто не видел, как метко она выдувает иглы из спрятанной за воротником камышовой трубочки. Четыре иглы за четыре секунды. И сразу после этого милая улыбка на милом лице.

– ...догоняет! Отстал... овраге! – кричит ей Таня, пробегая мимо. Имя и всякие предлоги она пропускает – бережет дыхание.

Это плата за обгон. Теперь ей, во всяком случае, не выпустят в спину иглу. Таня знает, что Гробо Клеппо ищет Гуньо. С точки зрения Тани, это самый мудрый человеческий симбиоз в их далеко не сахарном мире.

Гробо кивает, не тратя слов на благодарность, и глазами показывает, что пропускает Таню вперед. Правда, это не особо помогает, потому что мгновений через шестьдесят Гробо и Гуньо ее обгоняют, тараня всех подряд. Это союз носорога и лани. Таня осторожно пристраивается сзади.

Теперь каждый следующий обгон забирает у Тани силы. Дыхание закончилось. Пот льет ручьем. Сильно щиплет глаза. Таня не вытирает его – не до того. Фляжку с нее сорвали в толпе, и это хорошо – легче бежать. Ноги заплетаются. Мозг отдает им команды, но Тане кажется, что проходит час, прежде чем они слушаются. Ужасно почему-то мешают руки. Не руки, а колбасы, литые и очень тяжелые. Если бы можно было оторвать их и выбросить, Таня, не задумываясь, сделала бы это.

Она даже не радуется, когда где-то недалеко мелькает Гулеб. Сейчас ей все равно. Ей начинает казаться, что она вот-вот вырвется вперед, если не в лидеры, то точно в семерку, но тут ее обгоняет Шурей Шурассо. Таня пытается придержать его, подсечь, но бесполезно. Шурей Шурассо проносится, как молния, причем бежит подозрительно легко, наступая не на землю, а на воздух рядом с землей. Таня негодуя кричит на него, не слыша своего крика, и чудом обгоняет высокую девицу.

Финиш выскакивает неожиданно. Таня видит частокол и вбегает через распахнутые ворота. Падает, вскакивает, снова падает, пытаюсь бежать даже лежа. Кто-то отливает ее водой, поднимает на ноги и заставляет ходить. Лежать нельзя – посадишь сердце. Пить тоже пока не дают – позволяют только смочить губы.

– Кто? Кто? – кричит Таня. Она до сих пор не знает, победила она или нет.

Ей объясняют, что за финишную черту они вбежали восьмером. Вначале пятеро и за ними, плечо к плечу, еще трое – Таня, Гулеб и Жанин Абот. Не растерявшийся судья свистнул и за веревку сдернул висевший на шесте треугольный флаг. Цепь суровых солдамагов сомкнулась за их спинами, оберегая их от мести десятков разъяренных проигравших. Теперь цепь не разомкнется как минимум час – пока те, кому повезло меньше, не остынут. Воду им вынесут наружу.

Кто не успел – тот опоздал.

Великая Гонка завершилась.

Глава 2

Мать-опекунша

Жил-был на свете мальчик,

был тих и кроток он.

Фридрихом с рожденья

тот мальчик наречен.

Послушен и приветлив,

нежен и не груб,

Доверчив, как овечка,

и всем за это люб.

Он рос без наказаний

и прочих грозных мер

Родителям на радость,

всем мальчикам пример.

Учился он успешно

и в школе не шалил

Почтителен был к старшим,

с друзьями добр и мил.

Однажды все сказали:

«Мы с Фридрихом дружны

И день его рожденья

отпраздновать должны!»

Ах, сколько было шуток,

загадок и стихов,

И дети пели хором:

«Наш Фридрих, будь здоров!»

В. А. Моцарт. На день рождения маленького Фридриха

Отдохнуть победителям позволили недолго. К Холму Удачи они подошли ввосьмером, окруженные оберегающими их солдамагами. В обычное время Таня терпеть не могла солдамагов, но сейчас была благодарна им.

Толпа расступалась, пропуская их. Таню с ее обычной зоркостью к мелочам удивляло, что, хотя в задних рядах люди кричали и теснили друг друга, однако рядом с ними воцарялась странная тишина. И дело было не в солдамагах, с которыми опасались связываться.

Она видела напряженные, внимательные, порой наигранно равнодушные, порой откровенно завидующие лица – молодые и старые. Среди них мелькнуло и круглое лицо булочницы, которую Таня хорошо знала. Булочница жила через улицу и относилась к Тане, как тут говорили, «непоследовательно враждебно». Иногда даже прирезала к норме лишний кусок, на всякий случай, чтобы не донесли, желая Тане получить заворот кишок.

Проскочив к булочнице между двух солдамагов, Таня обняла ее и пожелала ей скорой смерти и долгой агонии. Это было традиционное приветствие, вполне себе вежливое, однако булочница резко отстранилась и посмотрела на Таню странно и отчужденно. Таня не умела читать мыслей, но, судя по выражению лица, мысль была такая: «Ты больше не наша! Завтра ты исчезнешь из нашего мира и никогда тут не появишься. И неважно, что ты выросла в Замогильном переулке. Ты мне никто. И я тебе никто. Не узнавай меня больше!»

Таня отпустила ее и поспешно отошла. Именно теперь – а не тогда в воротах, когда ее приводили в чувство, – она ощутила, что ее окатили холодной водой.

Гулеб положил ей на плечо руку.

– Не трать время на этих людишек! Они дрянь, они нас не стоят! Идем! Нас ждет Холм Удачи! – сказал он.

– Рука! – сквозь зубы сказала Жанин Абот.

– Это МОЯ рука! – возразил Гулеб.

– Но не твое плечо, – холодно уточнила Жанин. – Больше не путай или отрубленной рукой будешь обнимать мертвую девушку!

Гулеб убрал руку.

Холм Удачи был огорожен высокой каменной стеной, перед которой угадывались остатки частокола. Эта была хорошо охраняемая крепость внутри крепости.

Победители остановились у ворот, терпеливо ожидая, пока два солдамага справятся с большущим замком, который открывали единожды в год и, разумеется, не смазывали. Возились солдамаги долго. Таня успела осмотреться и увидеть тех, кто вместе с ней выгрыз у судьбы свой шанс.

Гулеб с воспалившейся кровавой царапиной на скуле. Жанин Абот, разумеется, старается держаться к нему поближе. Наивная, она считает, что чем больше площади зрения Гулеба она займет, тем чаще он будет о ней вспоминать! Рэйто Шейто-Крейто. Жоро Жико – темноволосый, пошловатый красавчик, в которого влюблены все девушки, которым достаточно широких плеч и ослепительной улыбки, чтобы простить мужчине полное отсутствие оригинальности.

Шурей Шурассо по прозвищу Мозг. Ну что тут еще скажешь? Прозвище говорит само за себя. Таня понятия не имела, как Шурассо – такой сутулый и неспортивный – смог обогнать ее. Скорее всего, отыскал лазейку в поставленной матерью-опекуншей блокировке на магию.

– Ногами-то зачем было шевелить? Все равно земли не касался! – шепнула Таня.

Шурассо сделал вид, что не расслышал.

– Осмелюсь обратить твое внимание на интереснейшее атмосферное явление: на залипание солнца в зените! – произнес он нудным голосом и разразился лекцией мгновений на триста.

Таня отошла от него. А тут кто? О! Какой сюрприз! Прихрамывающий Гуньо, тяжелыми сапогами содравший себе ноги до крови! Рядом с Гуньо его девушка – языкастая Гробо Клеппо.

– Класс! Вместе прорвались! – обрадованно воскликнула Таня и, спохватившись, поспешно добавила: – Ой, в смысле долгих вам конвульсий и вежливых гробовых червяков!

– И тебе того же, Груттирша! Стрелу из самопала в глаз и хорошенький типун на язык! – не задумываясь, отозвалась Клеппо.

Солдамаг отомкнул замок и плечом навалился на тяжелую створку.

У Тани перехватило дух, хотя на первый взгляд Холм Удачи не представлял ничего особенного – выжженный солнцем пригорок с семью камнями. В каждом камне – похожее на кресло углубление. Завтра на рассвете семь победителей займут семь каменных кресел. Мать-опекунша и еще шесть магусов прочтут необходимые заклинания на языке мертвых. Каждый магус будет читать собственное неповторимое заклинание, причем одновременно с другими. Если хотя бы кто-то из них ошибется в единственном звуке, например, произнесет долгую гласную вместо краткой, чуть поспешит или не там поставит ударение, – погибнет и он сам, и тот, кого он переносит.

Таня бросила быстрый взгляд на скамейку судей, установленную у ворот. Всех судей было трое: Клеп Клепыч, Тиштря и Веник Вий. Веник Вий, которому никто не пожелал поднять веки, пребывал в глубокой многолетней спячке. Некоторые утверждали, что он давно умер, а Клеп Клепыч и Тиштря таскают с собой его набальзамированную мумию, чтобы прикармливать полагающиеся ему самородки.

Клеп Клепыч и Тиштря о чем-то шептались, используя надежнейшие заклинания против подслушивания. И все множество магусов и людей, запрудивших огромную городскую площадь и примыкавшие к ней улочки, знали, о чем они шепчутся.

Это было очевидно. Победителей – восемь. А кресел всего семь...

Они подошли к валунам и, не приближаясь, застыли у проведенной на песке черты. Танье никогда не приходилось видеть камни так близко. Темные, блестящие, монолитные. Кажется, не существует ни силы, ни инструмента, которые раскололи бы их или отбили хотя бы крошечный кусочек. Но как тогда возникли кресла?

«Может, давным-давно камни привезли рекой из-за гор? Здесь в долине таких нигде нет», – подумала Таня.

Клеп Клепыч – низенький, крепкий, с животиком и буравящим взглядом из-под косматых бровей – откашлялся в кулак и гнусаво произнес:

– Сегодня знаменательный день! Вы все приложили много стараний и гражданской подлости. Мы гордимся вами, завидуем и в хорошем смысле вас ненавидим! Однако ситуация непростая! К финишу пришло восемь человек, однако лишь семеро смогут покинуть наш мир. Кто-то один останется.

Клеп Клепыч сделал паузу. Глазки его поочередно обвели каждого, точно он ожидал, что кто-то шагнет вперед и крикнет: «Я! Я останусь!» Но никто не выскочил и не крикнул. Все восемь настороженно молчали.

– Желающих нет, так что смотрим по грандам. – Клеп Клепыч оглянулся на Тиштрю, который торопливо сунул ему в ладонь мятую бумажку. Таня заволновалась.

«Вдруг у меня меньше всех?» – мелькнула пугливая мысль.

Количество грандов – личная информация. Конечно, есть и такие, кто охотно ею делится, однако большинство хранит ее в тайне.

– Шурей Шурассо – 910 грандов. Ого, неплохо! Рэйто Шейто-Крейто – 901 гранд... Достоинно уважения! Жанин Абот – 885. Таня Грутти – 882. Гуньо Глуми – 850, Гулеб Буй-Борс – 849, Гробо Клеппо – 861. Жоро Жико – 853... Таким образом, получается, что выбывает у нас...

Негнувшийся палец Клеп Клепыча, больше привыкший к боевому молоту, чем к бумаге, заскользил по бумажке.

Внезапно Жоро Жико едва слышно вскрикнул. В первую секунду никто не придавал этому значения. Ну мало ли... Обрадовался человек, что попал в семерку, имея всего 853 гранда! Но тут Жоро Жико покачнулся и грузно осел на землю.

Его правая нога раздувалась на глазах. Вскоре она была толще колонны. Жуткая, сизо-багровая. Кажется, ткни ее пальцем, и лопнет, как сарделька. Если сейчас попытаться согнуть ногу в колене – кожа не выдержит и во все стороны полетят брызги.

Раненый тоже знал это и, вцепившись кому-то в руку, раскачивался, мыча от дикой боли. Лег на спину и лежал, глядя в небо и кусая губы. Он не стонал. Стонать не принято, пока ты в сознании. Жаловаться тоже. Все равно никто не пожалеет, только будут издеваться. Опять же, если ты громко стонешь или лезешь с советами, врач имеет право тебя добить. Он тоже не железный.

Магус Тиштря присел на корточки и, оглядев ногу раненого, двумя пальцами вытянул шип. Осторожно обнюхал его, расширяя желтоватые, заросшие темным волосом ноздри, и уверенно сообщил:

– Варага!

Варага была сильным растительным ядом, получаемым из сока растения с таким же названием. Лечение существовало одно. Полторы недели постельного режима с примотанной к ноге гюрзой-семироткой, которая отсасывает яд и заодно им питается. Потом гюрзу разрезают по всей длине, голову с ядовитыми железами выбрасывают, а остальное выворачивают наизнанку и скармливают хорьну. Хорьна, в свою очередь, вымочив в муравьиной кислоте, скармливают свиноксу, а тот уже лакомое блюдо для любого богатого магуса.

Услышав слово «варага», Жоро Жико заскрипел зубами, перевернулся на живот и, уткнувшись лбом в землю, заплакал. Его плач напоминал рычание. Все потеряно! По правилам, неизменным вот уже сотню лет, семерка отправится в другой мир завтра утром. Причем вся вместе. Нельзя послать шестерых, а через десять дней еще одного. Значит, он остается.

Зрачки у Клеп Клепыча исчезли. Остались два сверла, два скальпеля, две черные дыры.

– Кто бросил шип? КТО, я спрашиваю! – свистящим шепотом спросил он у Шурея Шурассо.

За это полагалась виселица.

Шурассо дернул плечом.

– А чего на меня смотреть? Я откуда знаю? Я не эльфийский вопикул! – ответил он с вызовом.

Стали разбираться. Оказалось, шип в Жоро Жико метнули сзади. Тяжелый и длинный, он был врезан в пробку. С другой стороны пробки – короткое хвостовое перо врана и тут же – маленький свинцовый противовес. Просто колечко из свинца. Искать бесполезно. У каждого из здесь присутствующих при желании можно было найти три-четыре метательных шипа.

Гулеб невинно стоял в сторонке. Казалось, его интересуют только носки его собственных мокасин, покрытые высохшей грязью.

– Это она! Перо ее расцветки – красная полоса с черным зигзагом! – внезапно сказал Гулеб, ткнув в Таню пальцем.

– Заткнись, доносчик! – крикнула Таня. Но крикнула жалобно. Она и сама видела, что шип ее. И по перу, и по тому, как размещен противовес.

– Не могу! – вздохнул Гулеб. – Это мой гражданский долг!.. Эй, кто-нибудь, повесьте ее! Ау, палач!

У палача было все хорошо с чувством юмора. Да и вставать ему было лень. Толстый, красный, он сидел на бочке и дружелюбно улыбался красными беззубыми деснами. Веревка, порядком истершаяся от частого употребления, была обмотана у него вокруг пояса.

– Не надо вешать! Отдайте ее мне! Я ей горло зубами перегрызу! – простонал Жоро Жико, отрывая лоб от земли.

– Лежи – болей. Я сам, – ласково сказал палач, начиная ослаблять веревку.

Ненависти к Гулебу Таня не испытывала. Страху тоже. Все правильно. Гулеб поступает обоснованно и логично: зачищает конкурента. Победа любой ценой. Кусай – или укусят тебя. Всем хочется вырваться из этого собачьего мира.

Все-таки интересно, неужели ему будет приятно, если ее повесят? Таня вечно испытывала запретные чувства. Даже теперь Гулеб продолжал ей нравиться. Заодно она поняла, зачем он положил ей руку на плечо и зачем, отходя, другой рукой быстро коснулся ее пояса. Тогда подстраховался, зная, что у него мало грандов. Дальновидный. А она-то думала: нежность.

Ее грызла обида. Почему именно у нее? Хотя у кого еще? Рэйто бы его сразу убила. Глуми и Гробо заодно, они как двухголовый боец, к ним не подступишься. Про Жанин и так ясно. Она некромагус, такой же как и Гулеб. Значит, оставалась только Таня.

Клеп Клепыч подошел и, забрав у Тиштри перо, мрачно уставился на красную полосу с черным зигзагом. Его брови топорщились, словно пропитанные высохшим клеем.

- Твое? - спросил он у Тани.

Таня фыркнула, хотя и знала, что жизнь ее зависит от единственного слова Клеп Клепыча.

- Кажется, я задал вопрос! ТВОЕ?

- Мое! - признала Таня. - Кто-то спер у меня метательный шип. И что из того?

- И ты не заметила? - Он оглянулся на палача, видимо определившись с решением.

- Ну и не заметила! И дальше что? Хотите, я у вас что-нибудь стащу, и вы тоже не заметите? - с вызовом спросила Таня.

- Это невозможно, - сухо сказал Клеп Клепыч.

Таня разжала руку. На ладони у нее лежал костяной талисман с шеи Клеп Клепыча, срезанный коротким ножом-невидимкой. Полупрозрачное лезвие невидимки - сантиметра три отточенной стали - крепилось липучкой к указательному пальцу. Это было личное изобретение Тани.

Некоторое время Клеп Клепыч пристально разглядывал талисман. Потом недоверчиво провел рукой по свисавшему с шеи пустому шнурку. Вздохнул. Таню он теперь разглядывал с легким прищуром. Ишь ты! Занятная рыжеволосая особа! С хваткой, хотя и кажется щуплой, как воробей. Вон шея какая! Двумя пальцами обхватить можно, а скольких сегодня обошла!

– Ребятки становятся все лучше, все сообразительнее! Да сиди ты, сиди! Находишься еще: в ногах правды нет, – сказал он палачу.

Палач благодушно кивнул и вновь затянул веревку на поясе узлом. Он был доволен, что не пришлось вставать, лезть на столб и вообще работать. Палач был, как всегда, не пьян, но и не трезв. Правый глаз у него косил в переносицу чуть ли не с четырехтысячного мига послерассвета.

«Интересно, – подумала Таня. – За выпивку полагается виселица. Кто будет вешать палача, если потребуется? Или палачи вешаются сами? Занятный логический казус».

Порой Танье становилось досадно, что никому ничего нельзя сказать. С кем-то поделиться своими мыслями. Не теми, что должен иметь всякий добропорядочный магус, а теми, что ты чувствуешь на самом деле. Вообще никому и ничего. Всякий донесет и правильно сделает, потому что два гранда на дороге не валяются. Порой ей казалось, что то в одних, то в других глазах она замечает это желание поделиться... но опять же, два гранда ни у кого не лишние.

Клеп Клепыч кратко пошептался с магом Тиштрей и вновь важно откашлялся.

– С учетом изменившихся обстоятельств седьмым становится... – Он в последний раз оглянулся на тоскливо затихшего Жоро Жико, к которому, с интересом поглядывая на его мешочек с самородками, направлялись сразу два санитарных магуса.

Гулеб ухмыльнулся. Он знал, кто будет седьмым.

Когда официальная часть завершилась и всех их отпустили до завтрашнего утра, к Танье уверенно подошел Гулеб.

– Надеюсь, ты не в обиде? – спросил он, ласково глядя на нее. – Я знал, что тебя не повесят! Выкрутишься. Что ты делаешь сегодня вечером?

Таня отвернулась.

– Толку яды! Не суйся ко мне!

Гулеб улыбнулся. Улыбка у него такая, что растапливала любое женское сердце, как мороженое.

– Не злись! Подумаешь, с кем не бывает! Сходим куда-нибудь? Последний вечер все-таки, надо отметить!

– Я устала. Завтра трудный день, – сказала Таня.

* * *

Таня действительно очень устала, однако возвращаться в Замогильный переулок не собиралась. Да и что ей там делать? Собирать вещи? Но единственной вещью, которой она дорожила и которую тщательно прятала, был контра-босс. Одежду? Но ее тряпье так ужасно, что даже пару раз влезавшие в ее отсутствие воришки ничего не взяли.

Она медленно шла по городу, мысленно прощаясь с ним. Как бы страшен ни был их мир, завтра ей предстоит расстаться с ним навсегда. Вечерело. Еще несколько часов – и хлынет дождь, который будет идти до рассвета, как по часам. А потом снова жуткая жара, от которой уже к полудню земля высохнет и потрескается.

Между частоколом и зданием арсенала был уютный закуток – днем не слишком раскалявшийся, а вечером не пропускавший сквозняков. Таня свернула в него и устроилась на каменной скамейке немного отдохнуть. Пользуясь хорошей погодой, туда вывели человек двадцать детей, едва разменявших третью тысячу дней. В школы здесь ходили вечерами – не так жарко.

Перед учениками, поигрывая утяжеленной указкой, которую при случае можно было метнуть, как копье, прохаживалась учительница Зубья Дъери. В очках и с

челкой, она походила на пони. Танье выпал редкий шанс встретиться с ней, когда Зубья была еще практиканткой. Именно их класс достался ей для первого урока.

По неопытности Зубья Дьери явилась в сопровождении не солдамагов, а всего лишь двух стражников из городского управления. Стражники были пожилые, сонные, с идиотскими секирами устаревшего образца. Понятно, что рубить ими они никого не будут, а вопли и мат... да кто их слушает? Те из учителей, кто поумнее, на первые уроки приводили с собой свору из трех-четырех натасканных и голодных псявок, а тут... Шляпа, да и только!

Результат не заставил себя ждать. Незадолго до конца урока у Зубьи срезали мешочек с самородками. А перед финальным дребезгом кто-то, кого так и не нашли, со свистом раскрутив пращу, подшиб ей камнем глаз. Стражников забросали лавками и крышками от парт, и усмирены были только старым магом Кылоппом, который, прихрамывая и щурясь, спокойный, как удавс, вошел в класс с заряженным арбалетом. С тем самым, который теперь сторговал Юрсону.

Зубья Дьери оказалась упорной. Разбитую бровь зашила. Душу заложила мешками с песком. Школу не бросила. Приобрела опыт, научилась замораживать взглядом и не садиться на отравленные кнопки. Теперь вот тренирует молодняк.

«Все идет своим ходом! – подумала Танья. – Мы выучились. Теперь их очередь!»

Она сидела и слушала, как Зубья Дьери дает малышам уроки мудрости.

– Итак, дети, собираемся с мыслями и срочно вспоминаем, чего нельзя делать ни в коем случае! Может, вы слышали что-то раньше? Подсказываю: правило пяти пальцев! Возможно, кто-то сумеет заработать свой первый гранд! Ну!

Каким бы ни был класс, сильным или слабым, в каждом обязательно найдется свой Шурей Шурассо.

– Нельзя любить... нельзя дружить... нельзя бескорыстно помогать... нельзя надеяться... – немедленно выпалил тощенький, в бледных веснушках мальчик.

Одобрительно кивая, Зубья загибала пальцы.

- Мало! Четыре! Ну-с, кто вспомнит еще?

Но, увы, как ни хотелось детишкам заработать гранд, творческие идеи у коллектива иссякли.

- Нельзя... нельзя... - бормотали они. - Может, жалеть?

Зубья тряхнула челкой.

- Мимо! Жалеть входит в любить и дружить! Думаем дальше!

- Проносить на уроки трехгранные кинжалы! - не удержавшись, громко подсказала Таня.

- Кинжалы проносить! Кинжалы! - воодушевились мелкие.

Учительница повернулась, близоруко прищурилась на Таню и, узнав, благосклонно кивнула ей.

- Bravo, Таня! Отличный образец ситуативной лжи! Вот видите, дети: наша прошлогодняя выпускница, победившая в Великой Гонке, солгала вам, а вы поверили!.. Берите пример!.. Так чего нельзя? Думайте, думайте!

- Верить! - додумалась девочка с сыпавшимися молочными зубами.

- Умница! - Зубья Дьери загнула последний палец. - Вот мы и сформулировали главное! Верить нельзя! Никогда, ни за что и никому! Один гранд! После урока подойдешь ко мне - я отмечу!

Девочка с сыпавшимися зубами издала счастливый вопль.

- А я? А мне? Она одно правило вспомнила, а я четыре! - жалобно проскулил юный двойник Шурея Шурассо.

- А тебе - гранд штрафа! Руку потому что надо поднимать!.. - веско произнесла Зубья Дьери.

Молодых людей она терпеть не могла. Даже совсем юных. Из них потом вырастают половозрелые негодяи, которые, не задумываясь, бросают учительниц с челочками ради накрашенной помощницы торговца противоядиями.

Таня встала и пошла вдоль стены арсенала, ловя полные любопытства взгляды детей. Еще бы – не каждый день увидишь настоящую победительницу Великой Гонки!

Все же Таня не обманывала себя. Как ни мил был ей закуток у арсенала, даже с ним она расставалась без малейшего сожаления.

* * *

Ночью Таню грубо разбудили. Перевернули гамак и вывалили ее на пол. Вначале она увидела грязные сапоги, а затем и двух солдамагов в сырых плащах.

– Вставай! Тебя ждет мать-опекунша!

– Зачем ждет? – испуганно спросила Таня и заработала толчок сапогом.

– Не болтай! Пошевеливайся!

На улице хлестал проливной дождь. В свете двух лун небо казалось прошитым серебряными струями. Очень красиво, но лишь когда смотришь из окна. Ни один из солдамагов не поделился с Таньей плащом, и она вымокла быстрее, чем средний маг успеет выговорить слово «кошмар». Солдамаги довели ее до низенького одноэтажного домика и тщательно обыскали. Таня надеялась, что ей оставят хотя бы нож-невидимку, но его тоже нашли и отобрали.

– Топай туда и жди!

– Кого? Это же дом са...

– Молчать! Шагай!

Грубые руки втокнули Таню внутрь. Дверь захлопнулась, ударив ее по лопаткам.

Было темно. Пахло чем-то гадким, вроде сбрызнутого духами тухлого мяса. Глаза постепенно привыкали к темноте. Тане показалось, что она видит ползущий к ней куль тряпья, похожий на огромную улитку.

- Кто здесь? - нервно крикнула она.

- Темно тебе? Там на окне огарок... Возьми! - прошуршал голос.

На подоконнике Таня нашарила свечу и зажгла ее. По грязной комнате, больше похожей на логово зверя, заметались тени. В углу кто-то сидел. Таня поднесла свечу ближе и узнала Вия. Неподвижный, он казался прислоненной к стене мумией, которую набальзамировали, но забыли забинтовать.

Таня хотела убрать свечу, но тут ей почудилось, что Вий усмехнулся. Она испуганно отшатнулась и обнаружила, что веки у Вия полуоткрыты, а по щеке в направлении глаза бежит муха. Зная, что смотреть Вию в глаза ни в коем случае нельзя, Таня быстро повернулась и, на кого-то налетев, вскрикнула.

Куль тряпья подполз совсем близко. Перед ней стояла мать-опекунша Чумья. Это ей, а не Вию принадлежал тот скрипучий голос.

Глава 3

Семь тысяч триста дней

Что может быть лучше для мужчины, чем бархатный фрак гранатового цвета на подкладке из белого атласа, атласный жилет, затканый золотом или серебром, кружевное жабо, белый галстук, казимировые белые панталоны, чулки с вышитыми углами и лакированные туфли?

Вестник парижских мод, 1840

– Садись на пол! Я хочу ощупать твое лицо! – приказала мать-опекунша.

Таня села, скрывая невольный страх. Чтобы без дрожи смотреть на мать-опекуншу, требовались даже не крепкие нервы, а их отсутствие. Лицо Чумьи напоминало вываренное мясо. Бровей, волос, даже ушей не было. Говорили, во время осады Нарсана, когда она возглавляла отряд обреченцев, на нее плеснули со стены раскаленным свинцом. Стоявшие рядом сгорели, но мать-опекунша непонятным образом выжила.

Ком тряпья протянул руку, и на шею Танье легли ссохшиеся пальцы. Мать-опекунша была слепа. Разговаривая с магусами, она держала руку у них на шее, по ударам сердца безошибочно определяя внутреннее состояние человека.

– Ты хорошенькая... – прошуршала она. – Гладкая кожа, новое гибкое тело. Твое имя?

– Таня Грутти.

Таня увидела, как мать-опекунша скривилась.

– Дочь Лео-Поля и Софь-И? Ну конечно! Та самая Грутти! Ты знаешь, что меня обвиняют в смерти твоих родителей?

Тане было известно, что врать опекунше бесполезно.

– Знаю! – твердо ответила она.

Пальцы Чумьи сжались на ее горле так сильно, что Таня закашлялась. Она решила, что старуха хочет ее задушить. Но тут пальцы разжались.

– И..? Что ты по этому поводу думаешь? – вкрадчиво спросила мать-опекунша.

– Ничего. Мне все равно. Если они позволили себя убить – так им и надо! – с раздражением ответила Таня.

Мать-опекунша согласно кивнула. Покрытые шрамами щеки растянулись в подобии улыбки.

– Хороший ответ, даже если ты врешь. Если же ты правда так думаешь, то ответ отличный, – просипела она. – Сколько тебе, Таня Грутти, дочь Лео-Поля и Софьи?

Таня закрыла глаза, боясь ошибиться. Вдруг ценз поменяли, и ей сейчас откажут, заявив, что она слишком старая? Такие случаи бывали. Им бы только придаться.

– Шесть тысяч пятьсот девяносто дней! – отрапортовала она, как на смотре.

Чумья отпустила ее шею и ободряюще похлопала Таню по щеке.

– Шесть тысяч дней! Пора переучиваться. Ты и там собираешься так говорить?

– А что?

– Они считают время иначе. Тебе восемнадцать лет. Запомни это. Кроме того, ты больше не Таня Грутти. У них тебя будут звать Таня Гроттер.

Таня облизала губы, пробуя на вкус новые для нее слова. Старуха приблизила к ней изуродованное лицо.

– Чем-то недовольна? – проницательно спросила она.

– Таня Гроттер – звучит кошмарно.

Чумья усмехнулась.

– Не нравится – можешь остаться!

– Ну уж нет! Я не останусь! – Таня испытала сильное желание рубануть ее по кадыку ребром ладони. Но тогда ей ничего не светит. Да и палачу придется просыпаться среди ночи, лишая себя отдыха.

Мать-опекунша вновь сжала пальцами ее шею. Таня была уверена, что сердце у нее не стало биться сильнее, однако мать-опекунша все равно что-то ощутила.

– Мне доложили об одной любопытной вещи. Крайне любопытной вещи, – задумчиво прошамкала она. – Меньше всех грандов было у моего ученика Гулеба.

«Ничего ей не докладывали! Она знала с самого начала! Тиштря был с ней на телепатической связи», – сообразила Танья, боясь только одного: выдать свою ненависть к старухе сердцебиением.

– Но почему, скажи мне??? – вкрадчиво продолжала Чумья.

– Что «почему»? Почему Гулеб в семерке? Я-то что решаю? Я не судья! – Танья оглянулась на угол, где неммым свидетелем их разговора сидел Вий. Кажется, он так ни разу и не шевельнулся.

– Допустим. Но почему ты не сказала об этом, когда тебя хотели повесить? Ведь ты отлично знала про гранды и про то, что твой шип мог украсть только Гулеб!

– А кто бы меня послушал? Судьи – бараны! Особенно Тиштря! – сказала Танья с такой искренней досадой, что Чумья не стала распутывать клубок дальше.

– У тебя странный характер, Грутти! Никак не подберу к тебе ключ. Вроде ты все говоришь правильно, но что-то в тебе не так... Какая-то добренькая гниль внутри! Чем-то ты напоминаешь мне своих родителей. Возможно, стоило бы тебя вздернуть, – просипела она.

Чумья говорила спокойно, но Танья буквально увидела волосок, на котором повисла ее жизнь.

– Хотя почему бы не рискнуть? – продолжала мать-опекунша, убеждая себя. – Сколько я послала к ним тех, в ком была уверена, сильных, хитрых, живучих – и что?.. Ни один не совершил того, ради чего был послан! Годы напрасных ожиданий! Хоть бы один вернулся назад, чтобы я смогла дотянуться до его горла!.. Нет, девочка! В тебе я не ошиблась, и именно потому, что ошибалась в других! Не просто так ты победила в Великой Гонке. Ты выполнишь то, за чем тебя посылают...

Последние слова Чумья почти бормотала.

– Зачем меня посылают? Что я должна буду сделать? – жадно спросила Таня.

Очнувшись, мать-опекунша вздрогнула.

– Ты узнаешь об этом, когда придет время... И остальные тоже! Каждый будет знать свою часть задания, и ни один не сумеет помешать другому! Пока же запомни главное. Вы лучшее, что у нас есть. Когда-нибудь с вашей помощью миры сольются, и тот другой станет таким же, как и наш.

– Заманчиво! – не задумываясь, брякнула Таня и испуганно втянула голову в плечи.

К счастью, страшная старуха не могла увидеть ее движения, а руку с ее шеи она убрала.

– В том мире у вас есть двойники, но существовать одновременно с ними вы не сможете! Это приведет к парадоксу, а вселенная их не терпит. Выход один...

– Понимаю! – Таня машинально потянулась к карману, забыв, что нож-невидимку у нее отобрали.

Танье почудилось, что крыса грызет ржавую клетку. Это смеялась мать-опекунша.

– О нет! Убивать никого не потребуется! Да ты и не смогла бы! Ну разве что вонзив нож себе в грудь.

– Почему?

– Все тот же парадокс миров-дублей! В момент перенесения ты сольешься со своим двойником в единое целое. У вас будет одно тело и два отдельных сознания...

Таня испытала разочарование. От яблока ее недавнего счастья была откушена добрая половина. Откушена, выплюнута и растоптана. Она подумала, что не стала бы готовиться к Великой Гонке с таким рвением, если бы знала об этом

раньше. Должно быть, поэтому мать-опекунша сказала правду только сейчас.

– Две разные личности в одном теле?

Мать-опекунша шевельнула руками, неожиданно длинными для такого сдавленного туловища.

– До момента объединения миров. Чтобы получить контроль над телом, тебе придется загнать на задворки сознания ту другую личность. Но убить ее ты не сможешь. И побежденная, и победительница все равно будут существовать внутри одной черепной коробки.

Случайно сунув руку в карман, Таня нашарила то, чего не заметили солдамаги, обыскивающие ее в темноте. Иначе они узнали бы этот маленький малиновый цветок и отобрали его. Цветок назывался «слухач». Идеальное оружие шпиона. Разлученный со своим бутонем, он позволял через прижатый к раковине уха стебель слышать то, что слышит бутон. Недолго, пока не высохнет сок.

Не задумываясь, Таня оторвала у цветка головку и, разжав пальцы, позволила бутону скользнуть вдоль ноги. Конечно, она рисковала, но не так уж и сильно. На грязном полу хижины много сухой травы. Едва ли бутон заметят сразу, а через несколько часов головка высохнет и окончательно смешается с травой.

Подслушать саму Чумью! У Тани голова начинала кружиться от одной этой мысли. Она не верила, что решилась на такое. Мать-опекунша никак не могла услышать звука падавшей цветочной головки, но внезапно она шагнула к Танье и схватила ее за руку.

– Что там у тебя? Что ты сделала? Не смей лгать! Твое дыхание изменилось! – резко спросила она.

– Ничего. Я... я вымокла. Попыталась согреться. У меня замерзли пальцы, – испуганно сказала Таня и очень удачно чихнула.

Мать-опекунша недоверчиво ощупала ее рубаху.

– Ни одной сухой нитки... Но заболеть ты не успеешь. До перемещения два часа! – проворчала она.

– А если она вытеснит меня? – спросила Таня.

– Кто?

– Ну эта... Таня Гроттер.

Чумья вытерла мокрую руку о свои лохмотья.

– Едва ли, Грутти! Как личность ты намного сильнее. Какой бы тяжелой ни была ее судьба – тебе пришлось вынести больше, а это очень закаляет.

Таня вспомнила даже не саму Великую Гонку, а свою подготовку к ней.

– Уверена, что сломаю ее. Не просто уверена. Я сломаю ее! – сказала она решительно.

– Хороший настрой! – одобрила мать-опекунша. – Но имей в виду: если не хочешь лишиться всего, ты не должна доверять бородатому магусу по имени Сарданапал! Он хитер как лис, хотя и покажется тебе добрым дедушкой! Если он заподозрит подмену, ты потеряешь все! Он изгонит твое сознание из чужого тела, и ты растворисься!

– Сарданапал, – повторила Таня. – Я уничтожу его, если смогу!

– Умница! А теперь ступай! Мне нужно еще переговорить с остальными!.. И не забывай правило пяти пальцев!

– Нельзя любить... нельзя дружить... нельзя бескорыстно помогать... нельзя надеяться... нельзя верить, – машинально отозвалась Таня.

Рот Чумьи дрогнул. Что ж, хоть один урок эта девчонка усвоила хорошо.

– Да, так! Особенно опасно для тебя первое. Знаешь, что будет, если ты там полюбишь? Не заинтересуешься чьим-то красивым лицом, а именно полюбишь? Та другая непременно возьмет верх, получит контроль над телом, и бесправной тенью станешь уже ты!.. Ты сильна, только пока ты ненавидишь!

Лицо матери-опекунши приблизилось к Танье. Запах тлена, к которому девушка почти привыкла, стал невыносимым.

– Ты мне веришь? – спросила Чумья.

– Верить нельзя. Пятое правило, – подозревая подвох, мгновенно отозвалась Танья.

Но она лукавила. На этот раз она верила. Та другая, Таня Гроттер, безусловно, умеет любить лучше. Она выросла в другом мире, где не было правила пяти пальцев. А раз так, если Танья полюбит, то она примет бой на территории врага и по его правилам.

– Задуй свечу! Не хватало еще пожара! – ворчливо приказала Чумья.

Все же Танья почувствовала, что старуха довольна. Танья погасила свечу. Она стояла в дверях, мешкая уходить.

– Хочешь о чем-то попросить? – проскрипела мать-опекунша.

– Да. Я... могу я взять с собой контра-босс?

– Нет, – отрезала Чумья. – Никаких контра-боссов! Прочь!

Танья выскочила, не дожидаясь повторного приказа. Дождь закончился, и, хотя до дневной жары было еще далеко, над землей стелился густой молочный туман. Рядом с солдамагами стояли Гулеб и Жанин Абот. Из-за тумана казалось, что у них нет ног и они, точно джинны, начинаются сразу от пояса. Оба мило болтали с солдамагами, а те – Танья испытала раздражение и зависть – относились к ним как к старым знакомым. Еще бы – некромагусы, ученики самой Чумьи!

Когда Таня появилась, все замолчали. Таня подошла к солдамагам и протянула руку. Ей вернули ее ножи, включая нож-невидимку, и мешочек с самородками. Уже по весу мешочка Таня ощутила, что что-то не так. Заглянув же внутрь, увидела мелкие камни, подобранные тут же, на улице.

– Что-то не так? – нагло спросил костистый солдамаг.

– Напротив! Все очень ожидаемо и потому прекрасно! – сказала Таня, пряча нож-невидимку.

Ей было обидно до слез. Утешало только, что через два часа ее тут не будет. А раз так, едва ли стоит связываться с солдамагами из-за нескольких самородков. Потерять можно гораздо больше.

Солдамаги, Гулеб и Жанин Абот смотрели, как она уходит. Таня ощутила себя чужой всем и для всех. Даже для Гулеба, не сделавшего никаких попыток ее защитить. Одновременно Тане стало интересно, о чем Чумья будет говорить со своими учениками. Теперь она была довольна, что оставила в хижине у старухи цветок. К сожалению, далеко он действовал в лесу или на равнине. Толстые каменные стены сокращали его действие до нескольких метров.

Притворяясь, что уходит, Таня дошла до поворота. Здесь она вытащила стебель слухача, заправила его себе за ухо, легла на живот и поползла к дому, который сейчас покинула. Только со стороны глухой, лишенной окон стены.

Тут дежурил еще один солдамаг, и Тане приходилось стелиться вдоль земли, чтобы не выпасть из скрывающего ее тумана. Конечно, в маскировке она не Рэйто Шейто-Крейто, но все же она брала у нее уроки, взамен обучая Рэйто подражать голосам животных.

Этот навык пригодился ей и теперь. Почувствовав, что солдамаг двинулся в ее сторону и вот-вот на нее наступит, Таня перевернулась на спину, достала нож и подула во второе по счету отверстие в его пустотелой рукояти. Шипение получилось у нее великолепно! Отрывистое, злобное, с прорывающимися истеричными повизгиваниями, как у живущей в камнях ящерицы-змейса. Еще бы змейсам так не шипеть, когда один их плевков, попавший на кожу, убивает скорее, чем добежишь до торговца противоядиями.

Солдамаг торопливо попятился, рукавом прикрывая глаза. Именно их змейс выбирает целью чаще всего. Теперь Таня была спокойна. В ближайшие пятьсот мгновений никто сюда не сунется.

Таня подползла к стене. Потянулась к уху поправить стебель, но еще прежде, чем это сделала, услышала голос. Незнакомый, сиплый, он точно проходил сквозь толстый слой земли. В голосе этом звучала ненависть – давняя, медлительная, ушедшая на дно.

– ...кажутся себе злыми, крутыми, беспощадными. Циниками, презирающими всех и вся! Рисуют на щитах прогнившие черепа! А сами плачут, когда думают, что рядом никого нет! Бродят весной, смотрят на небо и мечтают, будь они прокляты!

«Вий! Больше никому! Гулеб и Жанин еще снаружи!» – поняла Таня.

– Молчи, старик! Опять ты заладил свое! Лучше бы и я считала тебядохлым! – оборвала его Чумья.

– Нет, ты меня послушай! Сколько детей согласилось повесить кроликсов, которых ты раздавала им на выкармливание? Всего лишь шесть человек из сотни! Шесть! У прочих они не то таинственно убежали, не то вообще непонятно куда подевались! И с этими слюнтяями ты надеешься захватить новый мир?

– Я это сделаю, ты сам увидишь!

– Ничего я не увижу. Я сдохну раньше... Они лгут – да, и сколько угодно. Неостановимо, ловко, не хуже нас, а на самом деле честные и втайне презирают тех, кому нельзя довериться! Говорят мерзкие слова, но и слова к ним не прилипают, потому что их сущность добра. Считают, что ненавидят друг друга, но сколько раз, когда кто-то лежал в лазарете, его якобы лютей враг подбрасывал ему снаружи яблицу... Да, в них есть и тьма, но, даже не сопротивляясь, они ей сопротивляются! Пока они подкидывают раненым эти вонючие яблицы, мы никогда не сможем...

Вий закашлялся. Конец фразы затерялся в кашле, и Таня услышала только ответ матери-опекунши:

– Ничего, старик! Ты забыл, чем был этот мир до нас. Ни одного болота, безобидные звери, едва способные защищаться. А люди!.. Вспомнить противно! Теперь эта чистота, будь она неладна, удерживается в них самое большее семь тысяч триста дней после рождения! И лишь в это время тот другой мир согласен принять их!

Вий засмеялся сквозь забившую его связки землю. Мать-опекуншу взбесил этот бессильный хохот.

– Чему ты смеешься, Вий? Едва жив и смеешься? – прошипела она.

– Я давно знаю тебя, Чумья! Ты всегда бредила одним! Но нам с тобой не семь тысяч триста дней. Ни у тебя, ни у меня нет надежды проникнуть сквозь Стекло Миров! Вспомни: сколько раз мы пытались послать туда тех, кому хотя бы на день больше этих проклятых семи тысяч трехсот! Десятки, сотни безуспешных попыток – всех размазало по Стеклу Миров. Уничтожить его невозможно! Оно тоньше волоса, но тверже алмаза, его не возьмешь никакой магией. Это вечная граница, разделяющая вселенную на миры!

– И все же это проклятое Стекло можно уничтожить! Пробить! Хватило бы и крошечной, в волос дырочки! – прошипела Чумья.

Поправляя сбившийся стебель, Таня неосторожно сдавила его ногтями, забыв, к чему это может привести. Малиновый цветок, нерасторжимо связанный с оторванным бутонем, лопнул со звуком треснувшей кости.

– Кто здесь?! Стража! – успела услышать Таня, прежде чем уничтоженный слухач окончательно перестал ловить звуки и рассыпался в прах.

Медлить было нельзя. Таня поползла стремительнее змейса. Ударилась локтем о камень. Содрала на колене кожу. Хорошо, что туман такой густой. Видя, что ползком не успевает, вскочила и, пригнувшись к земле, ныряя в туман лицом, побежала вдоль стены. Скользнула между прутьями разогнутой решетки, где никогда не протиснулся бы солдамаг, пронеслась по скользкому проходу между домами, где мерзко пахло и куда сверху выплескивались нечистоты.

Выбежавшие с факелами солдамаги действовали по жесткому сценарию. Оцепив площадь, они забрались на высокие камни и пропустили по туману красную

искру мгновенной смерти. Все живое, находящееся от земли на высоте не выше колена, должно было неминуемо погибнуть. К счастью, Таня на площади давно не было, и жертвами солдамагов стала лишь сотня улиток и несколько крысусов.

Таня бежала долго. Лишь когда впереди появился знакомый изгиб Замогильного переулка, который начинался с кривого и округлого дома, она перешла на шаг.

«Пронесло!» – подумала она, и тут кто-то свистнул, окликая ее. От дома отшатнулась тень и схватила ее за запястье. Только некромагусы умеют перемещаться по пересеченной местности так быстро. Гулеб даже не задыхался.

– Ты подслушивала Чумью! – сказал он голосом, не ведающим сомнений.

Таня поняла, что отпираться бесполезно.

– Ну так донеси на меня! – устало посоветовала она.

Гулеб цокнул языком.

– Могла бы поблагодарить! Я видел тебя, еще когда ты ползла. Отвлек солдамагов и Жанин.

– Ну так донеси на меня! – задиристо повторила Таня. Ей хотелось, чтобы Гулеб это сделал. Именно он. В том, чтобы окончательно лишиться всех иллюзий, тоже есть своя радость. И своя иллюзия.

Гулеб подумал и медленно покачал головой.

– Зачем? Двух грандов мне никто не даст! Своего я добился. В семерку вошел. Мне нет смысла доносить на тебя, Грутти!

– Отпусти мою руку! Укушу!

Она не думала, что Гулеб послушается, но он это сделал. Таня повернулась и пошла.

- И знаешь... - сказал он ей вслед.

Таня оглядываться не стала, но остановилась.

- Чего?

- Я рад, что ты победила в Великой Гонке! Ты и я - мы похожи! Вместе мы свернем горы!

- Вынуждена тебя разочаровать! В Москве нет гор. Есть семь холмов, которые ты будешь сворачивать вместе с Жанин Абот, - отозвалась Таня, обращаясь не к Гулебу, а к пустоте перед собой.

Ей казалось, что это одно и то же.

Таня старательно готовилась и знала, что город, в который перенесут их каменные кресла, называется Москва. Хорошо бы, конечно, сразу оказаться в Тибидохсе (так, кажется, они называют свою магическую школу), но это невозможно. Остров в океане тщательно оберегается. Там все на виду. Атаковать двойников на Буяне опасно.

- Эй, ты слышал, что я сказала?

Гулеб не отозвался. Немного выждав, Таня повернулась, собираясь обдать Гулеба холодным презрением. К сожалению, тщательно приготовленное и очень-очень холодное презрение досталось узкому проходу между домами. Некромагус исчез.

Таня ужасно разозлилась, что он пропал, не позволив как следует себя попрезирать. Но время поджимало, и она направилась к круглому дому, венчавшему Замогильный переулок.

Вскоре Таня скользнула к себе за занавеску. Собственной комнаты у нее не имелось, зато занавеска, отгораживающая угол в длинном общем коридоре, была самая что ни на есть ее личная. Выглядела она абсолютно безобидно - так себе, серая от пыли штора. Правда, мало кто знал, что после двух краж Таня, ограждая свое собственное пространство, вплела в нее столько заповуков и

сглаживающих нитей, что не всякий отряд солдамагов взял бы ее закуток без потерь.

С вещами она разобралась быстро. Тетради сожгла. Не только личные, но и вполне безобидные – с безграмотно написанными школьными проклятиями за первый-пятый классы. Ей было бы неприятно, стань в них кто-то рыться. Вещи побросала в окно. Пусть кто хочет – берет.

Разобравшись с барахлом, Таня озабоченно посмотрела на горизонт. Тот едва начал сереть. Значит, немного времени в запасе у нее есть. Таня стала ласкать струны контра-босса и гладить его полировку. Потом спрятала контра-босс в выдолбленной в стене нише и, заложив ее приготовленными заранее камнями, шепнула: «Прощай навсегда!»

Отошла на шаг и отчетливо произнесла:

– Бетонум церезитум!

Когда искры погасли, камни легли как влитые, если не навек, то на несколько столетий замуравав контра-босс в стене. Все было кончено. Больше ее здесь ничего не держало. Оглянувшись, Таня увидела пустое пространство отгороженного шторой коридора. Трудно поверить, что на этом продуваемом сквозняками четырехугольнике она провела большую часть своих шести тысяч пятисот девяноста дней.

Таня села на подоконник, свесила ноги на улицу и, повернув лицо, некоторое время смотрела на штору, что-то высчитывая. Затем, вскинув руку, выпустила боевую искру и торопливо выпрыгнула. Третий этаж – это несмертельно. Таня еще не коснулась ногами земли, когда из окна вырвался поток огня. Вначале розовый, затем белый, и, наконец, черный. Казалось, три мыльных пузыря вздулись один внутри другого.

Сухой хлопок – и Таню, стоящую внизу, обдало сухим жаром. Она даже ладонью по лицу провела, проверяя, не сгорели ли брови.

Вскоре Таня была у семи камней. Ворота были открыты, а сами камни огорожены цепью солдамагов. К ним пока не пускали. Все победители Гонки в сборе. Ждали мать-опекуншу и шесть ее магусов.

Шурей Шурассо нервничал. Выражалось это в том, что он безостановочно болтал и грыз ногти. Рэйто Шейто-Крейто раздаривала свою коллекцию магических безделушек, по одной бросая их в толпу. Ловили их трусливо и с кучей предосторожностей, потому что одна из безделушек – невинная с виду пушистая зайка, сшитая из тряпочек, – только что отжевала кому-то палец.

Гуньо Глуми хладнокровно обсасывал копченые свиные ребрышки. Видно, захватил с собой в дорогу, но узнал, что взять их не разрешат, и надумал съесть. Гробо Клеппо полировала ногти. За ночь ее прическа в очередной раз успела измениться. Теперь Гробо была блондинка, но с оранжевыми бровями.

Таня сказала ей об этом, и Клеппо удивленно моргнула.

– Совсем я запуталась с этой парикмахерской магией! Точно блондинка? А волосы длинные или короткие?

– Длинные.

– Значит, сегодня четвергус. Скорее бы заклинание выветрилось! Все равно этот фрукт, – она кивнула на разгрызающего ребрышко Гуньо, – заметит у меня отсутствие головы, но никак не присутствие волос!

Гуньо перестал жевать.

– А? С кем-то надо разобраться? – тревожно спросил он.

– Это он свое имя услышал, – объяснила Гробо и, как глухому, крикнула Гуньо в ухо: – Кушай, милый, кушай! Будешь плохо кушать – я тебя брошу!

Глуми кивнул и продолжил разгрызать ребрышки. В действительности чувство юмора у Глуми было неплохое, но выражалось оно в том, что Гуньо упорно внушал всем, что его нет. Таня всегда знала, что Глуми любит казаться большим дуболомом, чем на самом деле является. Это его мимикрия в стиле слона, который притворяется мамонтом. Недаром про Гуньо ходил анекдот: «Как от пяти отнять два? Надо подойти к пяти и мрачно сказать: «Ща кому-то поплохеет!»»

– Танья, видела? Твой Пой-Перс дрыхнет! – крикнула Гробо.

Гулеб лежал на земле и спал, вместо подушки подложив под щеку руку. Фамилия Гулеба была Буй-Борс, но Клеппо вечно над ней измывалась. Кем Гулеб у нее не побывал: и Шей-Торсом, и Пей-Морсом, а однажды даже Брей-Кексом!

Жанин Абот сидела рядом с Гулебом и ретиво охраняла его сон. Внезапно она сделала неуловимое движение. Танья увидела, как у головы Гулеба что-то мелькнуло, и подошла посмотреть. В земле торчал метательный шип некромагусов – узкий, длинный, с почти незаметной пробкой. На шип была нанизана большая полосатая оса, так и не севшая на лоб Гулебу. Оса не поняла еще, что убита, и шевелила лапками.

– Надеюсь, это был не маг-трансформер, – насмешливо сказала Танья.

С вызовом глядя на нее, Жанин подняла шип и спрятала его в рукаве. Цепь солдамагов разорвалась и перестроилась в каре. От ворот к ним приближались шесть магусов. Они несли открытые носилки, в которых покачивался знакомый куль тряпья.

Мать-опекунша выглядела сосредоточенной. О том, что кто-то подслушал ее, не вспоминала и виновных не искала. У Тани отлегло от сердца. Она была уверена, что Чумья обо всем догадалась, и каждую секунду ждала приказа: «Взять ее!»

Успокоилась она, только когда их подвели к каменным креслам и усадили в них. Кресла были влажные, холодные. Разбуженный Гулеб зевал. Гуньо вытирал о штаны жирные руки и искал глазами, куда выбросить кости. Шурей Шурассо стучал зубами. Рэйто Шейто-Крейто загадочно улыбалась. Вид у нее был такой, будто она странствует по мирам трижды в сутки.

Шесть магов встали позади шестерых победителей и запустили им пальцы в волосы, коснувшись висков. К Танье пока никто не подходил. Она удивилась этому, но внезапно увидела, как к ней ползет сама мать-опекунша и с неожиданной ловкостью взбирается на камень.

А потом зажавшаяся Танья ощутила ее пальцы у себя на висках. Пальцы у Чумьи были ледяные. В сравнении с ними камень сразу стал казаться теплым.

– Вы наши семена! Желаю вам удачно перенестись, успешно выдержать бой с сознанием двойника и выполнить задание, которое каждый из вас получит! Семь магусов – семь заданий. Вместе они составят единое целое!

Голова матери-опекунши была так близко от затылка Тани, что дыхание старухи касалось волос девушки. Казалось, ледяные пальцы утончаются и прорастают к ней в мозг, как корни. Таня не могла даже обернуться. Лишь заметила, как Гулеб быстро переглянулся с Жанин Абот.

– Пока никто из вас не знает своего задания! Но не волнуйтесь! Забыть его никто не сумеет. Пока мы будем читать заклинания, задание каждого отпечатается у него в памяти и, когда придет время, вспыхнет ярче звезды! – продолжала Чумья.

Она обернулась на Шурея Шурассо, верноподданное лицо которого так и излучало желание служить делу завоевания миров, и, ухмыльнувшись, добавила:

– И не надейтесь, умненькие головки, обмануть меня! Я вижу каждого насквозь! Некоторые из вас, хитренькие глазки, думают ускользнуть от меня за Стекло Миров. Греться под нежарким солнышком и купаться в чистой водичке. «Там старуха ничего нам не сделает!» А вот это неправда, милые! Самую хорошую новость я приберегла для вас напоследок!.. Я всегда храню ее до этой минуты, чтобы у тех, кто готовится к следующей Великой Гонке, не иссяк пыл. А то ведь забросят подготовку!

Голос матери-опекунши истерично дрогнул, и Таня почувствовала, что новость окажется запоминающейся.

– В запасе у вас всего один год! Если до следующей Великой Гонки Стекло Миров не даст трещины и миры не сольются, вы все умрете! Так случилось со всеми, кто не оправдал моего доверия!.. Тот-кто-убивает-в-свое-время уничтожил их! Прислушайтесь!

Мать-опекунша вскинула руку к низким тучам. Слепое лицо стало вдохновенным.

– Неужели никто из вас не слышит стоны, крики, проклятья? А ведь в эти минуты в том другом мире гибнут прошлогодние победители Великой Гонки, жалкие неудачники, не выполнившие задание! А теперь повторяйте за мной:

– Я ненавижу мир, который покидаю, и клянусь перенести свою ненависть в тот мир, куда перехожу!

– ...куда перехожу! – разом прозвучали семь голосов, один из которых был голос Тани.

Дальше началось что-то путаное и жуткое. Все семь магусов, включая Чумью, забормотали разом. Таня вскрикнула. Между ее висками продернули тонкое сверло. Поле рядом с камнями начало меняться. Ветер лохматил песок, закручивал маленькие вихри. Порой из ниоткуда проступали нечеткие полупрозрачные деревья, скамейки и совсем неожиданный и необъяснимый здесь ящик с написанными краской буквами «Жилищник-1».

Мать-опекунша была довольна: все шло по плану. Еще несколько мгновений – и перемещение состоится. Но тут что-то изменилось. Таня ощутила это по той сверлящей силе, с которой длинные ногти Чумьи впились в кожу головы. Магус, стоящий позади Жанин Абот, пухлый, маленький и безбородый, как евнух, вскрикнул и откинулся назад, с ужасом уставившись на свои ноги, по колено ушедшие во внезапно размягчившийся камень. Еще спустя секунду там же исчезла его голова.

Жанин Абот, седьмая из некромагусов династии Мортов, повелительница костей, сердец и черепов, лучшая ученица матери-опекунши Чумьи, ощутила грозящую ей опасность прежде, чем расплавленное кресло обожгло ей ноги. Отчаянно рванувшись, она прыгнула и прокатилась по земле.

Камень, тот самый, что недавно был ледяным, кипел и пузырился, жадно затягивая безбородого магуса, стоявшего за спиной Жанин.

Таня почувствовала, что и ее камень начинает быстро разогреваться.

«Все пропало! – лихорадочно подумала Таня. – Нигде нельзя ошибиться! Если хоть один собьется в одном слове – все погибнут!.. Но сбился ли безбородый? Возможно, он закончил ритуал!»

Она заметалась, решая для себя, прыгать ли ей с каменного кресла, как это сделала Жанин, или все же рискнуть, надеясь на чудо. Таня начала

приподниматься, но мать-опекунша впиалась в ее голову колючими ногтями и довела свою часть заклинания до конца. Таня ощутила, как она отрывается от тела – и вот уже видит себя со стороны сидящую на камне и повисшую на ней, как пиявка, мать-опекуншу.

В испуге Таня рванулась к своему телу, ничего так страстно не желая, как вернуть его, но пробиться не смогла. Она была слишком легкой и большой, чтобы втиснуться в эту тесную и находившуюся далеко внизу раковину. Ее уносило куда-то, постепенно рассеивая. Таня стала огромной, как весь их мир, только очень неплотной. Где-то внутри ее бежали реки и шумел от ветра лес, спорили и смеялись люди, скользили в морской толще плоские тела рыб и рычали в изрезанных высохшими ручьями долинах борсы.

А потом, когда Таня сделалась такой огромной, что никакой мир не мог вместить ее, и солнце лежало в ее изголовье, как подушка, что-то вспыхнуло у нее перед глазами, и все исчезло...

Глава 4

Последний день каникул

Всякое действие, повторенное триста раз подряд, становится привычкой. Триста раз победил безволие – приобрел волю. Триста раз отжался, пусть даже в сумме – руки станут крепче. Триста раз подряд сдержался и не накричал – стал сдержанным.

Дедал Критский, автор книги «Искусство драконбола» и просто древний грек

Герман Дурнев, председатель В.А.М.П.И.Р., крупный предприниматель, народный избранник и просто многогранная личность, разгуливал по квартире в сапогах графа Дракулы и с его короной на голове. Он был кисел, мрачен и недоволен жизнью: завтра его дочь Пенелопа, прилетавшая в Москву на каникулы, вновь отбывала в свой ужасный Тибидохс, или как он там называется. Этот Ты-Бы-Сдохс Дурнев ненавидел со всей гремучестью потомственного вампира.

– Нинель! А если мы спрячем ее чемоданы? – предложил он, осененный внезапной идеей.

Тетя Нинель лежала на диване, ложкой поедала из банки джем и читала пухлый роман дамского автора Романа Пупса, которым была увлечена не меньше, чем ее дочь Пенелопа своим Гэ-Пэ.

– Ах, Герман, какой он прекрасный человек и тонкий стилист! Как замечательно он пишет: «Он ее поцеловал!» Ты понимаешь, Герман?.. Поцеловал! Не пнул, не накричал, не метался перед глазами, как ты сейчас, а поцеловал! Ты мог бы написать книгу о любви?

Самый добрый депутат чихнул от злости и пнул диван, из чего следовало, что книгу о любви он написать может, но не собирается.

– Нинель! Пипа завтра улетает!.. Ты понимаешь, что я тебе говорю! Давай ее задержим! Примотаем скотчем к кровати, выкрадем вещи! Все, что угодно!

Тетя Нинель тщательно облизала джем с ложки и, заложив его роман Пупса, села на диване, свесив ноги.

– Герман! – сказала она серьезно. – Немедленно прекрати истерику! Будь мужчиной!

Однако ее супруг мужчиной быть категорически не желал. Он хотел желтеть, пыхтеть и не отпускать от себя Пенелопу.

– Ты плохо знаешь свою дочь! – продолжала тетя Нинель. – Она не я. Заесть ее тебе не удастся. Ее не удержат ни сейфовая дверь, ни каменные стены! Она рвется в свой Тибидохс и попадет туда, даже если ей придется пройти по нашим трупам! Мы должны были думать об этом раньше, но ты, как чокнутый, носился в такси по Москве: искал ей яблоки без косточек!.. Это ты во всем виноват!

Дядя Герман схватился за шпагу.

– Не смей так говорить, женщина! – взревел он.

Такса Полтора Километра уныло заскулила из-под стола, напуганная грозным криком повелителя вампиров. Бедная собака полчаса страдала, измученная теми же сложностями выбора, которые когда-то загнали в гроб ослика мага Буридана. В желтой миске у нее был гусиный паштетик, в синей – прокрученная через мясорубку куриная грудка. Расстояние до обеих мисок абсолютно одинаковое. Полтора Километра лежала на ковре и, закрыв глаза, вздрагивала ушами, пытаясь просчитать самый короткий маршрут или хотя бы проголодаться.

В комнату вбежал Халявий. Внучок бабы Рюхи в последние месяцы возжаждал независимости и с утра до вечера бегал по собеседованиям в поисках работы, которая, с одной стороны, не требовала бы вообще никакой работы, а с другой – хорошо оплачивалась бы. К его удивлению, даже в таком городе, как Москва, подобных работ было на удивление мало.

– Кошмарный день! Генеральные директора уже повсюду есть, а если где-то их и ищут, то только на отсидку! Да еще требуют, чтобы умел читать и подписываться!.. – пожаловался он.

– А ты не умеешь? – удивилась тетя Нинель.

Халявий развел ручками.

– Все зависит от положения Луны и от того, кем я себя воображаю! – уклончиво ответил он. – Я так голоден, что съел бы свой ботинок! Никто не хочет меня накормить?

Желающих не обнаружилось. Тетя Нинель посоветовала Халявию повернуться лицом к двери, идти по компасу строго на север и никуда не сворачивать.

– И что там будет? Открытая шахта лифта? – подозрительно спросил оборотень.

– Там будут кухня и плита!

Халявию это показалось сложным.

– Я плитами не питаюсь! – заявил он. – Ну смотрите! Вы сами меня вынудили!

Он схватил собачью миску, и куриной грудки не стало. Перепуганная такса немедленно кинулась к гусиному паштету и, забыв все сомнения, принялась его поедать.

Тетя Нинель залюбовалась своей кушающей собачкой. У той живот подметал пол, но супруге председателя В.А.М.П.И.Р. все казалось, что она худенькая. Та же история была и с Пипой, которую тетя Нинель искренне считала морящей себя голодом. Целые летние вечера уходили на то, что тетя Нинель, заламывая руки, бегала за дочерью по квартире и кричала: «Съешь котлету, негодница! Не смей себя уничтожать! Не для того мы с отцом тебя растили, чтобы от тебя осталась одна тень!»

И Пенелопа, чья голодовка длилась минут двадцать с момента последнего куса торта, вынуждена была отправлять вслед тарту котлету.

– Герман, это тебя утешит! – неожиданно вспомнила тетя Нинель. – Таня тоже уезжает! Я уже целый месяц брезгую выходить на лоджию! Она там все завалила своим контрабасом!

Услышав ужасное слово «контрабас», дядя Герман вздрогнул. Он не забыл еще, как из-за этого контрабаса однажды стал кроликом Сюсюкалкой. Он и сейчас не мог спокойно смотреть на морковь. Руки прижимались к груди, как у послушного зайчика, уши начинали вздрагивать, а передние зубы удлинялись на полпальца. Хитрые враги дяди Германа пронюхали об этом его свойстве, и однажды на важном правительственном совещании в присутствии самого президента вместо микрофона подсунули Дурневу морковку. Скандал вышел страшный.

Тетя Нинель и дядя Герман разом повернулись к окну и прислушались, пытаясь определить, где сейчас Таня. Торчит у себя на лоджии с книжкой или улетела куда-то. Вечно ей не сидится.

– Да, Герман! – вспомнила тетя Нинель. – Если ты не против! Сегодня мы с Пипой обещали взять эту особу с собой по магазинам! Пенелопочка просит у меня скромную норковую шубку, совсем коротенькую, чтобы виден был пояс со стразами, а эта наглая Танька, конечно, опять захочет дорогущий спортивный костюм из секонд-хенда.

– Что? ТАНЬКА? Ты берешь ее с собой? Тогда я остаюсь дома! – немедленно заявил дядя Герман.

На самом деле он был очень рад, потому что ненавидел ездить за покупками. Недаром говорят, что после похода по магазинам мужчина теряет ровно столько здоровья, сколько женщина его приобретает.

– Хорошо, любимый! – моментально согласилась тетя Нинель. – Все равно ты мне только кровь портишь своим злобным видом!

– Какую еще кровь? Не упоминай при мне о крови! – испуганно крикнул дядя Герман и принялся плевать через левое плечо.

Тетя Нинель с ее неосторожным языком случайно вторглась в величайший позор дяди Германа, заключавшийся в том, что Герман Дракула IV, повелитель живых мертвецов, не переносил даже вида крови – ни свежей, ни консервированной. И это с таким заместителем, как Верховный судья Малюта Скуратофф, рядом с которым даже помидоры зеленели от ужаса, не рискуя быть красными.

* * *

Таня очнулась в странной тесной комнате. Она вскочила и огляделась. Справа и слева были блестящие стены с крючками, за ее спиной – шторы, а прямо перед ней – возбужденное лицо в огненной шапке рыжих волос. Не узнав его, Таня решила, что на нее нападают. Она присела, приняв стойку борса – и... неизвестная рыжая особа тоже присела, хищно вытянув перед собой правую руку и прижав к груди левую.

Таня опомнилась. Она стояла перед зеркалом, а рыжая особа была ее отражением. Осторожно приблизившись к стеклу, она стала жадно разглядывать себя. То отодвигалась на шаг, то прижималась лицом к зеркалу. То, что она увидела, ее в целом порадовало. Во-первых, исчез шрам на левой щеке. Черты лица стали мягче, кожа не такая обветренная. Зубы, пожалуй, тоже чуть белее.

– Я Таня. Таня Гроттер! – сказала она себе, поняв, что с этого мгновения не станет больше называть себя Таньей. Она Таня. А этот закуток с зеркалом –

часть нового мира, в который она перенеслась.

- Всем дрожать! Я пришла! – громко крикнул кто-то.

Таня оглянулась. За ее спиной, отдернув штору, стояла Пе-Много-Не-Лоп, она же Пей-Недолопа, дочка вождя Заречного племени, менявшая имена как перчатки.

- Гроттерша, чего ты так долго делаешь в примерочной кабинке? Сколько можно ковыряться с джинсами?

- С джинсами? – переспросила Таня, выигрывая время.

Пей-Ничего-Не-Лоп наклонилась, подняла что-то с пола и внимательно посмотрела на этикетку.

- И как они тебе, не малы? – поинтересовалась она затаенным голоском.

- А что? – настороженно спросила Таня.

- Да ничего!.. Мужские джинсы! Пятьдесят шестого размера! Ты опрокинула стеллаж, схватила их и убежала в примерочную!.. И вот мы с мамой двадцать минут торчим снаружи!.. Ждем, влезет Танька в пятьдесят шестой или нет! Весело, да?

Тане все стало ясно. Все эти двадцать минут здесь, в тесном закутке за шторой, шла битва двух половинок одного «я». И она победила.

Вырвав у Пипы джинсы, она выскочила из примерочной.

Новый мир! Новый город! Перемещение состоялось! Она не распылалась, не размазалась о Стекло Миров, выдержала бой со своим двойником и не оказалась загнанной в темный чулан подсознания! Победа!

Но расслабляться не стоило. Тетя Нинель, в которой Таня узнала Нинью Большую Медведицу, жену вождя Заречного племени, стояла у входа в магазин, сердито скрестив на груди руки.

- Ну что, поехали? - спросила Таня, улыбаясь ей как можно приветливее.

Нарываться было опасно. Она еще не забыла, как на прошлом празднике осени Нинья Большая Медведица в одиночку выходила с ножом на кабанакса. Спору нет, конечно, этот мир мягче и цивилизнее, но сущность Ниньи Большой Медведицы едва ли сильно изменилась.

- Ехай! Я тебя за штаны не ловлю! - кисло передразнила тетя Нинель, не стронувшись с места.

Таня осторожно моргнула.

- А чего мы тут ждем? - спросила она.

- Разве непонятно? Таксю! - с раздражением ответила тетя Нинель.

Ее заглохший джип перегородил всю крайнюю полосу бульвара. Таня скользнула взглядом по сплошной московской пробке. Машины тащились еле-еле. Их обогнал бы даже дождевой червяк, намотанный на колесико роликовых коньков.

- Может, пешком? - предложила Таня.

Тетя Нинель посмотрела на нее как на дурочку.

- У тебя что, ноги лишние? Отсюда до нашего дома километров десять шлепать!

Таня вспомнила сравнительную таблицу расстояний.

- Пять верстул? Всего? Да их же за полчаса пробежать можно! - удивилась она.

- Слушай, уйди от меня! Ты чокнутая стала! Вся в свою мамашу! Та тоже по лестницам вечно без лифта бегала! - пожаловалась тетя Нинель, с одышкой заталкивая пухлое тело на заднее сиденье подъехавшего такси.

В самодвижущейся повозке, которая не произвела на Таню особого впечатления, хотя аналогов в ее реальности не было, они толкались в пробке добрых два часа.

Все это время Таня жадно смотрела в окно на новый для нее город. Мозг торопливо впитывал новые впечатления. Дома в тридцать этажей, серую копоть туч, яркую листву на осенних деревьях, шумные толпы людей без оружия и кольчуг. Но главное – солнце тут не убивало. Был уже двенадцатый час дня, а листву по-прежнему не выжгло, и мелкие лужицы на земле не испарились!

Таня старалась не задавать вопросов, понимая, что любой вопрос покажется тете Нинель и Пипе нелепым, но все равно время от времени удивление прорывалось.

– Смотрите! Он ее трогает! – воскликнула она, увидев на перекрестке мальчика с диким собачком, чей укус считался незаживающим.

– Ну гладит и гладит... Очень за него рада! А ты ждала: он ее сожрет? – поинтересовалась Пипа.

– А? Кто кого? – кисло спросила тетя Нинель.

– Мальчик свою собаку!

– Давно пора! Пусть Танька вылезает из машины, идет и ему подскажет! – Тетя Нинель звонила по телефону, вызывая эвакуатор, и сердилась, потому что сообразила, что не помнит улицы, на которой бросила джип, а про магазин знает только, что у него желтая вывеска.

– Вы не умеете работать! – кричала она в трубку. – Говорят вам: центр Москвы! Город такой герой, столица нашей родины! Ах, знаете! Ути-пути! Рада за вас!.. Кто грубит? Я? Я за вас радуюсь! Желтая вывеска с цветочками! Все, что от вас требуется, найти мой заглохший джип и увезти его в ремонт! Как какой джип? Говорят вам: мой! Мне чужого не надо! Номер? А я откуда знаю? Гаишникам надо – вот пусть себе и помнят!..

Таня прикусила язык и больше про собак не распространялась. Она даже не удивилась, когда, поднявшись на лифте, обнаружила одного из выродившихся и разжиревших представителей племени собачков в квартире у тети Нинели.

Полтора Километра по обыкновению стала подбираться к Тане со спины, вознамерившись вцепиться зубами в пятку и тем заслужить у хозяев пару очков, однако когда Таня, опустившись на четвереньки, исторгла охотничий вопль златогласого гонда, едва не умерла от ужаса и забилась под диван. Вместе с собачком под диван забился и Халявий. Но тут уж ничего не попишешь: к боевому воплю златогласого гонда действительно надо привыкать. Особенно если учесть, что охотится гонд в основном на мелких млекопитающих, а убивает их голосом.

Внучок бабы Рюхи немедленно опомнился и вылез из-под дивана, притворившись, что у него туда что-то закатилось.

– Где-то тут была моя монетка! Герман, ты не видел? Кы-ку-ры-ру... кругленькая такая!

Дядя Герман замотал головой, одичало глядя на Таню. Та торопливо проскользнула мимо, метнулась через комнату и... увидела футляр от своего контра-босса, смотревший на нее сквозь дверь лоджии. Все на свете позабыв, Таня рванулась к нему.

Да, футляр был тот же самый! Шероховатый, кожистый, теплый. Она долго гладила его, грея о него руки и боясь открыть. Потом все же открыла и вскрикнула.

Невероятно, но перед ней лежал тот самый контра-босс, который она замуровала в стене дома. Даже царапины на лаке были в тех же самых местах! Ее захлестнуло счастьем, причем захлестнуло с такой избыточностью, словно она была чашкой, которую наполнили под водопадом.

Убедившись, что из комнаты на нее никто не смотрит, Таня взяла смычок и провела по струнам. Магия контра-босса не требовала перстня, хотя могла усиливаться и кольцом. Главное – не ошибиться в звуке. Она не ошиблась, и над контра-боссом возникло длинное лицо Шурея Шурассо.

– О, как забавно! Ты появилась у меня в стаканчике! Надеюсь, тебе не мокро! – хихикнул он.

– Где-где я появилась?

Шурассо отодвинул стаканчик и немного изменил угол его наклона. Таня увидела, что он сидит за столиком в кафе в центре Москвы, пьет кофе, ест мороженое и с застенчивой улыбкой потрошит скальпелем крысу.

- Лучший способ, чтобы к тебе никто не подсаживался, - объяснил он Тане. - У меня ампула необщительного мага-единоличника.

- Шурей... - начала Таня.

- Шурасик! - строго поправил он, грозя ей скальпелем. - Попрошу это учесть! Я глупенький мальчик Шурасик! В моем личном дневнике записано, что за лето я прочитал сто девяносто две книги. В среднем по две книги в сутки. В переводе на нормальный язык это полнейшая деградация и мозговое расслабление.

- Шуре... Шурасик! Ты связывался с нашими?

- О да! Первым делом! Рэйто, Гуньо, Гулеб, Гробо и ваш покорный слуга, - Шурасик поклонился, - все добрались и победили своих двойников... Теперь они Глеб Бейбарсов, Гробыня Склепова, Гуня Гломов и Рита Шито-Крыто. Во избежание недоразумений советую внести в скрижали памяти новые имена... И, просто как деталь, я озабочен!

- Чем озабочен? Что все победили? - не поняла Таня.

- Все прошло слишком гладко. Такая легкость мне подозрительна. Особенно в свете того настораживающего факта, что Жанин вообще не добралась.

- А что с ней? Я видела, как она спрыгнула, а ее магуса затянуло в камень, - сказала Таня, притворяясь, что ей безразлично.

- А то с ней, что кто-то не пропустил Жанин Абот в этот мир! - отозвался Шурасик, в забывчивости помешивая кофе скальпелем.

- Может, Стекло Миров? - предположила Таня.

– Оно тут ни при чем! – отрезал Шурасик. – Жанин было меньше семи тысяч дней. Ее не пропустил кто-то другой. Или что-то другое.

Таня разглядывала смычок своего контра-босса.

– Слушай, Шурей! Жанин с нами нет. Одна из семи частей задания в любом случае останется невыполненной. Причем, возможно, самая важная, потому что Жанин – любимая ученица Чумьи. Мать-опекунша не поручила бы ей ерунды!

– И раз миссия завалена, мы тоже можем сильно не напрягаться? – лукаво поинтересовался Шурасик.

– Э-э... ну да.

Шурасик усмехнулся. Капнув на стол колы, он пальцем начертил защитную руну. Теперь никто из лопухоидов не мог подслушать их или увидеть, что он делает.

– Взгляни сюда! – сказал он Тане, доставая что-то из кармана. – Последние «Сплетни и бредни». При желании их можно добыть даже в Москве. Читаем: «Семь молодых магов найдены мертвыми на западном склоне Лысой Горы. Их мумифицировавшиеся, вывернутые наизнанку тела выглядели так ужасно, что даже ко всему привыкшие магфицеры...» Ну, дальше эмоции. А вот еще интересный абзац: «Рядом с телами обнаружено большое количество защитных артефактов и магического оружия. Такое ощущение, что погибшие очень боялись встречи с чем-то грозным и готовились к ней заранее».

– Старый выпуск? – спросила Таня быстро.

– Вчерашний, – уточнил Шурасик.

– То есть Чумья?..

– Не наврала. Прошлые победители Великой Гонки мертвы. Не знаю, на что они потратили год. Может, запасались этими самыми защитными артефактами и магическим оружием? Не сработало, как видишь.

– Может, плохо подготовились? – предположила Таня.

– Победители Великой Гонки не могли подготовиться плохо! – назидательно произнес Шурасик. – Сама знаешь, через что им пришлось пройти, чтобы попасть сюда.

– Тот-кто-убивает-в-свое-время! – вспомнила Таня.

– Значит, и нам придется выполнить задание без Жанин! Одно из двух: или мы справимся и уничтожим Стекло Миров, или...

Таня кивнула. Их часики тикают! Напугана она не была. Слишком часто ей приходилось балансировать между жизнью и смертью. Иногда у нее бывало не больше секунды, а тут целых триста шестьдесят пять дней! Восемь тысяч семьсот шестьдесят часов, или пятьсот двадцать пять тысяч мгновений!

– Год – это кое-что. Можно многое успеть. А как же Гулеб? Вдруг он что-то знает? Они с Жанин почти не разлучались!

– Гулеба ты увидишь завтра. Сейчас он где-то на Алтае. Тело его двойника что-то забыло в тех краях, – сказал Шурасик.

Таня сделала вид, что ей безразлично.

– Что, уже завтра? А чего так скоро?

– Сегодня последний день каникул. Так они называют периоды летнего безделья. Завтра все ученики слетаются в Тибидохс.

– Слетаются? – удивленно переспросила Таня.

Шурасик взглянул на нее с прищуром. Потом кивнул и, что-то сообразив, сказал себе под нос:

– Для всяких прочих склеротиков рекомендую вспомнить заклинание Мементум церебрализинум. Позволяет воспользоваться всеми знаниями двойника, кроме области личных воспоминаний. Срабатывает после двух красных искр... Ну все, давай округляться! Сегодня у меня куча дел! Я сейчас допью кофе, и тебе не в

чем будет отражаться, если ты, конечно, не соберешься перебраться в мороженое! Но там липко и противно!

– А ты не допивай!

– Не могу не допивать. Это будет слишком благородно с моей стороны! Долгой тебе агонии, Грутти!

«Необщительный маг-единоличник» поднес стаканчик к губам и исчез.

– Продолжительных конвульсий! – отозвалась Таня, запоздало отметив, что Шурасик назвал ее прежним именем. Этим он незаметно добавил в их общение немного запретной теплоты.

Таня вышла с лоджии и оказалась в центре бури. Пипа собирала чемоданы. От ее интуитивной магии распахивались форточки, сама собой вскипала вода в стаканах, а на соседних балконах, заваленных бумагой, вспыхивали кратковременные пожары.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/tanya-grotter-i-ptica-titanov

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)